

Леонид Т

Черный рассвет
(original mix)

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Леонид Т

Черный рассвет (original mix)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48791392

SelfPub; 2019

Аннотация

Провинциальная Россия нулевых, медленно оттаивающая от мрачных девяностых и стремительно формирующая в себе новое поколение. Одни из его представителей – молодой парень Николай и его друзья, всеми силами стремящиеся вырваться из той серой, угнетающей жизни, которую они с презрением наблюдают в своем небольшом унылом городке. Но выбранные ими пути приводят к проблемам во всех сферах жизни, при решении которых приходится сталкиваться с фатальными последствиями... Содержит нецензурную брань.

Содержание

1.Бытие	5
2. Исход	7
3. Приход	32
4. Забытье	67
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Посвящается моему коту Форесту

В этом смертельном бою —
Нет победителя, лишь проигравший.
Каждый стоящий в строю —
Условно погиб и считается павшим.
И выбора больше нет,
Он был предложен раньше,
Встречают черный рассвет
Воины, чьи жизни погашены...

1.Бытие

Будничный вечер. Я подошел к холодильнику, привычным движением достал лекарство и воду для инъекций, достал из шкафа шприц, аккуратно распаковал его и приготовил раствор.

– Пап, я все доделала! Теперь мне можно погулять? – радостно спросила Ева.

– Хорошо. Оставь тетради и учебники на столе и можешь идти, – ответил я. – И, надеюсь, тебе не надо напоминать о правилах?

– Мы будем играть с Дашкой во дворе, и ты сможешь видеть меня из окна.

– Договорились, – сквозь зубы проговорил я, сжимая в них колпачок от шприца.

По поводу правил мне всегда напоминала моя мама, а заключались они в том, чтобы видеть меня из окна, когда я находился на улице. В детстве другим детям родители тоже запрещали покидать родной двор и поэтому у каждого ребенка были свои предположения о том, как выглядит мир за его пределами. У одних где-то жили бабушки с дедушками, и они любили рассказывать, как катались к ним на трамвае или машине, и мы обожали слушать такие рассказы – ведь то, что сейчас для нас является обыденным, тогда казалось увлекательным приключением.

Но самое странное, что мне когда-либо приходилось слышать о мире вне родного двора, я помню до сих пор. Один мальчик (он был младше на пару лет) сказал, что мира во-круг двора просто не существует.

– Как не существует? – хором спросили мы с ребятами.

– Просто там ничего нет, – смущенно проговорил он. И тут же уверенно добавил: – Это мне, между прочим, папа объяснил.

Конечно, тогда мы высмеяли бедного парня, и бедолага в слезах ушел домой. Но сегодня, спустя практически двадцать лет, его слова уже не кажутся мне такими глупыми.

После короткой ностальгии по детству я вернулся в суровую действительность. Подойдя к зеркалу и приспустив штаны, механическим движением поставил себе укол.

– Когда же это наконец закончится? – вслух спросил я у небритого отражения и, надев штаны, пошел обратно на кухню, чтобы выпить таблетки.

2. Исход

*Я мысли выжимаю из своей же головы,
Пытаясь превратить их в дорогостоящий сок,
Но, видимо, еще не поспели плоды,
Поэтому сыплется дешевый песок.
Ну а может быть, дело не в этом?
Может быть, дело в другом?
Что же мне делать с ответом?
Ладно, узнаю потом...
Хотя нет, подождите, промелькнула догадка, —
Причина таится в груди:
Это то, что так колотится гадко,
Перекрывая моим мыслям пути.
Хотя нет, не сердце само виновато,
А занозы, сидящие в нем, —
Чувства, которые впились когда-то,
Холодным декабрьским днем.
И вот уже двадцатую осень
Я выжать пытаюсь нектар,
Жалко одно — что у чувств ни попросишь,
Мысли превращаются в пар...*

«Очередное говно!» — подумал я и, смяв клочок бумажки с нацарапанным карандашом текстом, швырнул его в мусорное ведро и не попал. Допив бутылку пива, пошел спать,

раздраженный тем, что завтра надо успеть в институт к первой паре.

***

– Сынок, вставай! Опять опоздаешь, ты что, совсем не слышишь будильник? – спросила мама.

Конечно же, я слышал будильник, и, как только он зазвонил, я сразу же его отключил и продолжил спать, хотя прекрасно знал, что чудо не произойдет, и мамка в любом случае придет меня будить, как это было уже не раз.

– Мне сегодня ко второй паре, – раздраженно ответил я, хотя понимал: более глупого ответа в этот момент придумать было невозможно, так как накануне вечером сам сказал ей, что мне к первой паре, и к тому же у меня две «лабораторки», которые прогуливать никак нельзя, ведь из-за них могут не допустить к сессии.

– Опять врешь? – сурово спросила мамка. – Сколько это будет продолжаться? Ты еще с той сессии не все хвосты закрыл!

С этим было сложно поспорить, и от этого я еще сильнее злился, демонстративно накрывая голову подушкой, чтобы она поняла: я не желаю в очередной раз слушать ее причитания.

– Значит, так, даю тебе неделю, чтобы ты закрыл все хвосты, понял?

– Угу, – безразлично промычал я из-под подушки, лишь бы только она отстала.

– В воскресенье покажешь мне зачетку, и не дай бог там окажется хоть один пробел! – строго ответила мамка и ушла собираться на работу.

Делать нечего, надо было вставать и собираться в универ, потому что я знал: мама уйдет на работу только часа через полтора, а до этого, пока я не встану, она будет пилить меня.

Надо признаться, что я вообще не горел желанием учиться, и вот такие утренние «процедуры» стали происходить все чаще и чаще. Я не могу назвать точной причины отсутствия у меня интереса к учебе, но мне не нравилась ни моя специальность, ни направление, по которому я учился. Что касается вуза, то это был «среднячковый» филиал столичного технического университета. Поэтому перспектива проработать всю жизнь на заводе по специальности меня никак не радовала. Вследствие чего меня больше интересовал сам факт получения высшего образования, иными словами – наличие куска картона с надписью «Диплом», и абсолютно неважно, какие отметки стояли бы в нем.

– Алло, – ответил я на входящий вызов мобильного.

– Здравóво, Колян, – послышался бодрый голос из трубки.

– Здравóво.

– Ну че ты, собираешься там?

– Да, давай, как буду выходить, наберу тебя? – предложил я.

– Ок, тогда на связи, – послышалось на том конце провода, после чего положили трубку.

***

Звонил Колян – мой тезка. Он был, пожалуй, единственным человеком из всей моей группы, с которым я поддерживал близкие отношения. Со всеми остальными же я предпочитал общаться исключительно по учебе и в стенах вуза.

Что же касается Коляна, то это было «типичное побочное явление 90-х», или просто «гопник». Базар за уважаемых «старшаков», саундтрек из криминальной телепередачи на звонке мобильного, «блатнячок», низкокачественный русский рэп и древняя, дешевая попса в плеере. Одевался Колян тоже вполне предсказуемо: «цыганская» рубаша, заправленная в строгие темные классические брюки с еще более классическими туфлями из «кожзама», либо, естественно, в темный спортивный костюм с тремя белыми полосками, неудачно подделанный китайцами, в паре с грязными кроссовками все из того же «кожзама», все от тех же китайцев, все с теми же полосками.

Родители Коляна были обычными работягами, как и миллионы других наших соотечественников, живших ради «светлого будущего» своих детей. Его мамка работала в каком-то небольшом продуктовом магазинчике, а отец занимался ремонтом холодильников и время от времени злоупотреблял алкоголем, ругался с женой и периодически огребал от Кольки, если начинал сильно газовать на его мать.

Жил Колючий (кличка Коляна), конечно же, по так называемым «неписаным понятиям криминального мира», кото-

рые всегда можно перекроить под себя в случае каких-то разногласий с остальными членами общества и перевернуть все в свою пользу, потому что так «по-пацански». Больше всего, судя по всему, Колек ценил в людях верность и преданность, а также чувство юмора с долей нездорового авантюризма, который зачастую мы направляли на весьма сомнительные поступки и действия. Единственное, что мне казалось странным, – несмотря на всю свою «быдловатость», Колян имел определенный успех у женского пола. Это при том, что он был далеко не Аполлон. Довольно тучное тело и маленькая голова, нос картошкой и кривые зубы – не самый козырный набор в общении с девушками, но Колючий каким-то невероятным образом мог расположить к себе и потом очаровать довольно недурных самок, как он сам выражался. Видимо, причиной этому была некая brutальность вкупе с уверенностью и напористостью в его взаимоотношениях со слабым полом.

Мне до сих пор сложно сказать, что нас с ним объединяло. Но в Коляне я увидел родственную душу – это несомненно, несмотря на то, что я практически никогда не слушал шансон и попсу, предпочитая им сначала рок, а потом электронную музыку. Одевались мы тоже по-разному, я больше предпочитал уличный стиль, например, джинсы или зауженные штаны предпочтительно с брендовыми кроссовками или ботинками и легкий пуловер или водолазку. На какие-то там «блатные понятия», откровенно говоря, мне было плевать,

хотя в школьные времена какое-то время я тоже болел «блатной романтикой», но потом как-то это все отошло на второй план, а впоследствии и вовсе исчезло.

Наверное, все же меня привлекало в нем то, что ему, как и мне, было по большей степени наплевать на учебу, и у нас с ним оказалось практически одинаковое количество задолженностей и очень скверная посещаемость, так как нередко мы оба прогуливали пары или опаздывали с утра, проспав и появляясь то ко второй, то к третьей. Ну а может быть, потому, что в душе я тоже был «гопником» и просто-напросто тщательно маскировал это под слоем напускного похуизма.

***

– Алло, братан, ну я на месте... давай, жду, – сказал я и сбросил вызов.

Мы с Колючим обычно встречались на остановке и вместе ехали до универа.

– Салам пополам, братан, – улыбаясь, проговорил Колек и по-дружески обнял меня.

– Здорово, – выдавливая улыбку, проговорил я.

– Че такой невеселый, бухал, что ли, вчера?

– Да не особо, просто не выспался. Еще и мать с утра всю плешь проела с этими «хвостами», – пожаловался я.

– Понимаю, мне тоже регулярно мозги ебут с этим, – поддержал Колючий. – «Мы же за тебя платим, как ты этого не понимаешь?» – попытался он передразнить родителей.

– Во-во, один в один, – согласился я.

– Ладно, не парься, я знаю, что тебе поможет в такой ситуации, – загадочно произнес Колян и полез в карман. – Пара-тройка жирных плюх, – радостно добавил он и достал ку-сочек «гарика».

– Бля, братан, да ты чертов Гудвин с куском изумруда в такое поганое утро, – рассмеялся я.

– Ну, скорее с половиной куска, – иронично подметил Колек. – Главное, не превратиться после него в безмозглых Страшил, а то не хотелось бы на «лабе» тупить, как всегда.

– Ты знаешь, порой мне кажется, что мы все давно Страшилы, и вряд ли нам что-то уже поможет, – задумчиво произнес я.

– Бля! Во ты гонишь, срочно на «процедуры»! – весело сказал Колючий и купил в палатке на остановке самую дешую бутылку минералки.

***

Надо признаться, что «ганджубас» и «гарик» я начал курить еще в школе. Первый раз попробовал траву в девятом классе, когда один приятель привез ее откуда-то с юга, возвращаясь с летних каникул. Выкурив пару пробок через бутылку, я тогда так и не понял, накрыло меня или это было больше самовнушение, и мы с друзьями гуляли по городу, пытаюсь нести всякий бред, чтобы угорать с него. Вскоре я переехал в другой город и там стал регулярно покуривать с новой компанией. Единственное, что мне мешало делать это чаще, чем я мог, так это отсутствие денег на «куреху», по-

этому по большей степени меня угощали одноклассники или приятели с района. Когда отсутствовал «план», я не брезговал всякой дешевой барбитурой: транквилизаторами, антидепрессантами, нейролептиками и всякой другой сомнительной аптечной отравой, обильно заливаемой дешевым алкоголем. В общем, адекватное восприятие мира я начал терять еще в юности, превращаясь потихоньку в невменяемого «кайфожора».

Тут может возникнуть резонный вопрос: куда смотрели мои родители? Здесь трудно однозначно сказать, что они потеряли контроль надо мной, потому что отец за год до переезда попал в автокатастрофу и стал инвалидом, постоянно ошивающимся по больницам и госпиталям, а на мамины плечи упала вся тяжесть по обеспечению семьи. Она долго искала работу, и даже случались такие моменты, что в холодильнике не было еды. Благо нам оказывали посильную помощь мои бабушка с дедушкой – родители отца, которые жили в нашем же городе. Отец также жил с ними, и после аварии я с ним практически не общался, а если это и случалось, то в основном только по телефону. В результате по большей части я был предоставлен сам себе. Нельзя сказать, что я полностью превратился в асоциальную личность, ведь я тогда еще активно занимался спортом – футболом, настольным теннисом, рукопашным боем. По настольному теннису у меня даже был первый юношеский разряд, и я неоднократно становился призером разного рода соревнований. Но то, что

именно тогда начали сдвигаться мои жизненные ориентиры в сторону непредсказуемого, беспорядочного движения в общепринятой социальной системе координат, – факт.

***

– Блин, нормально накрыло, – протяжным голосом произнес я.

– Бля, наш автобус стоит, давай резче, а то и так опаздываем, – нервно произнес Колян и двинулся из-за гаражей в сторону остановки.

Гаражи, за которыми мы обычно курили, находились прямо напротив конечной остановки. Это была своего рода контрольная точка для разного сброда, где можно найти что угодно – от использованных гандонов и прокладок до кровавых шприцев и ампул. Особенно печально она выглядела именно сейчас, в начале ноября, в сырую погоду под свинцовым небом. Однажды, накурившись здесь в очередной раз, я представил себе, что это некий портал в ад, из которого регулярно вылезает всякая нечисть и оставляет вокруг самые отвратительные и омерзительные отходы человеческого бытия. После того как я озвучил это, к месту прилипло название: «Портал».

Надо признаться, что я ненавидел ездить «убитым» в общественном транспорте. У меня сразу появлялось подозрение, что все пассажиры автобуса меня «спалили» и всего лишь делают вид, что не замечают, как я «упоролся». Колян

же, судя по всему, было вообще похер. Не успел автобус тронуться, как он уже начал мило флиртовать с какой-то телкой, сидящей впереди нас.

Когда наконец-то мы приехали, и я вылез из автобуса, то почувствовал необыкновенное облегчение, как будто прошел сложную миссию в игре, но предстояла миссия куда сложнее, и это – лабораторная работа. Накуренный, я очень часто представлял себя героем какой-нибудь игры, который проходит сложные квесты и получает за это очки опыта для того, чтобы развивать определенные навыки. Но, как оказалось, на практике происходило все с точностью да наоборот, и очки опыта снимались, а навыков становилось все меньше.

Добравшись до аудитории, поприветствовав всех кивком, мы испытали настоящий шок! Холодный пот и мурашки пробежали по спине, когда мы осознали весь ужас ситуации, а именно – что нам придется сидеть в первом ряду, ближе всех к преподавателю, но еще хуже то, что надо было делать один вариант на двоих, потому что все уже рассредоточились по парам. Это значило, что придется думать и делать какие-то расчеты, строить графики, анализировать, сопоставлять, и еще целая куча умных словечек пробежала у меня тогда в голове и мигом обломала кайф. Обычно мы с Колючим специально рассредоточивались по «ботаникам», чтобы выполнить минимальное количество работы с максимальным результатом. Таким результатом для нас была оценка «удовлетворительно».

К сожалению, деваться было некуда. И мы взяли расчетные таблицы, методички, графики и сели за рабочее место. Честно признаться, я больше расстроился из-за того, что понимал одну очень неприятную для себя деталь, а заключалась она в том, что всю инициативу по решению задач мне придется брать на себя. Ведь максимум, что можно было доверить Коляну, – это чисто механическая работа с приборами, чтобы визуально снять показания, и калькулятором, чтобы посчитать результат. Если у меня было просто отвращение к умственному труду, но при острой необходимости я мог его выполнять, то у Коляна мозг просто не хотел воспринимать какую-либо информацию, связанную с учебой. У него как будто стоял самый крутой на свете антивирус и просто блокировал «учебный спам», а когда он был «накуренный», то этот антивирус приобретал самую «навороченную» лицензионную премиум-версию с последними обновлениями.

– Так, для начала нам нужно собрать схему, – уверенно сказал я.

Долго вникая в показатели приборов, я сказал Колькú:

– Давай, пока я здесь пытаюсь вкурить, что к чему, ты намути у кого-нибудь линейку и карандаш, нам еще надо будет строить графики.

Колек возмущенно отреагировал:

– Ага, тут как будто у каждого по две линейки и карандаша, где я их тебе высру?

– Да вон спроси у телок, пусть поделятся одним набором, – тихо произнес я.

***

Вика и Света. Пожалуй, на этом можно было бы и закончить, но немного расскажу о них. Всего у нас в группе было пять девчонок: Ирка с Аленкой, Аня, Вика и Света. Вика и Света оказались типичными студентками – дисциплинированными, ответственными и активными. Вика была страшненькой, но умной, шла на красный диплом. Света – красивой, но глупой (исключительно по учебным меркам). Держались они всегда вместе – сидели за одной партой, вместе передвигались из корпуса в корпус и обедали тоже вместе. Эдакие сиамские близняшки-студенточки. Если к Вике обращались в основном только по учебе, то к Светке подкатывали почти все ребята из группы, но успеха никто не имел. Она встречалась с парнем со старших курсов, поэтому шансы остальных студентов были близки к нулю, хотя не скрою, что она мне тоже импонировала, и я был бы не прочь замутить с такой самкой.

***

– Девчонки, не угостите карандашом и линейкой, а то нам рисовать нечем, – артистично попросил Колян.

– Я почему-то даже не удивлена, – иронично подметила Вика.

– На, держи, художник-импрессионист, – смеясь сказала

Светка.

– Благодарствую, – слегка картавя на французский манер, произнес Колек.

Пока Колян добывал необходимые канцелярские принадлежности, я собрал нужную схему и уже снимал показания с амперметра и вольтметра, занося их в таблицу. Потом показал Коляну, что надо между собой складывать, на что делить и что умножать. На какой-то момент мне даже стало нравиться то, чем мы занимались, потому как нет большего удовлетворения, когда ты начинаешь понимать то, в чем раньше абсолютно не разбирался, ну или не хотел разбираться. На этой положительной ноте закончилась первая пара, и все шло как по маслу, пока мы не вышли на перерыв.

***

– Здорово, пацаны!

– Здорово! – в один голос ответили мы с Коляном.

– Че, как лаба?

– Да в принципе нормально, – сказал я.

– А я че-то вообще дупля не отстреливаю.

– Че так? – поинтересовался Колян.

– Есть мелочь? Надо бутылку купить и пипетку...

– Найдем, – улыбаясь произнес я, прекрасно понимая, к чему он клонит.

Это был Илюха Лобанов, наш одноклассник. Он жил в

соседнем городе, носил волосы до плеч, часто немытые, от чего он вызывал у меня чувство брезгливости. Еще он носил косуху и старые, протертые джинсы, заправленные в армейские «берцы». В народе таких парней называли рокерами или «говнорями». Илюха тоже часто приходил на занятия «упоротым», иногда мы даже «убивались» вместе, но все равно он нам с Коляном не был так близок, как мы друг другу. Может быть, потому, что он был из другого города и поначалу держался как-то обособленно от всех, а может, оттого, что мы сами не хотели сближаться с ним. Но когда оказывалось так, что я приходил в институт, а Колян нет, то общался тогда в основном с Илюхой.

– Это у тебя «чай», что ли? – удивленно спросил я.

– Ну да, а что? – как ни в чем не бывало ответил Илюха.

– Блин, может, тогда хотя бы после лабы курнем?

– Да ладно, че ты, никогда на лабе упоротый не был?

– Под чаем нет, – признался я.

– В натуре, не гони, Колюх, тем более мы почти уже все сделали, – поддержал его Колян.

– Ну вот видишь.

– Сказал бы сразу, что у тебя чай, я бы еще подумал.

– Да че тут думать-то? – с вызовом бросил Колючий и сделал глубокий «напас».

– Ладно, уговорили, – согласился я и принял эстафету у Коляна.

Тут надо сказать, что «чаем» у нас назывались так называемые курительные смеси, или просто «спайс». Тогда он только появился, и от него еще не дошли люди пачками, как это начало случаться спустя несколько лет. «Спайс» можно было приобрести не сложнее, чем пачку сигарет или бутылку пива. Он свободно продавался в торговых палатках, у мелких барыг и в интернете. Существовало несколько видов, каждый из них имел свой эффект и разную степень наркотического опьянения. «Спайсы» были гораздо мощнее обычного «ганджубаса» или гашиша.

Честно признаться, я не очень любил курить «чай», от него сшибало так, что ты просто порой переставал понимать, что происходит вокруг. Под ним было сложно «не спалиться», но своей общедоступностью на тот момент он почти вытеснил с рынка естественный продукт, и нам приходилось довольствоваться тем, что есть.

Естественно, я прекрасно понимал, что, употребив «спайс», на лабораторной работе можно ставить крест, а если она и будет доделана, то с огромными «косяками». Но я не мог позволить себе отступить. Это значило бы, что я не в команде, не единомышленник, показать свою слабость и потерять репутацию отъявленного похуиста. Вот такие у меня тогда были взгляды на жизнь. Понимаю, что сейчас это звучит глупо, но когда тебе почти двадцать лет, и ты на втором курсе института, то там особо не задумываешься о последствиях, а просто скользишь, как на серфинге, по волне под

названием «жизнь». И только спустя какое-то время начинаешь понимать, что серфинга-то под ногами давно уже нет, и ты тупо тонешь.

***

Началась вторая пара. Мы расселись по своим местам. Мне стало настолько лень продолжать вникать в «лабораторку», что не хотелось даже делать вид, будто я что-то решаю. «Убило» меня конкретно. Создавалось такое впечатление, будто ты смотришь на мир сквозь какой-то туман или помутневшее стекло, а при переводе взгляда с одной точки на другую картинка перемещалась с замедлением. Я взял в руки методичку, сел вполоборота к группе и стал наблюдать за ребятами. Сначала у меня возникали какие-то ассоциации с каждым отдельным человеком в аудитории. Кто-то представлялся каким-то животным, кто-то персонажем из сказок или исторической личностью. Но вскоре в моей голове развился следующий монолог:

«Ну что сидите? – думал я. – Посмотрите на себя, жалкие ничтожества! Венчики творения! Как вы суетитесь, чтобы успеть все доделать до конца. Как стараетесь, чтобы не было помарок в расчетах и графиках. Галдите тут как птенчики, пытаясь перекричать друг друга. Бедные мясные чучела! Как мне вас жаль! Вот же они, те самые безмозглые пугала – Страшилы, о которых недавно вспоминал Колян. Целый выводок огородных чучел, набитых мясом, усердно ищущих

свои мозги, при этом наивно полагая, что остальное у них уже есть. Наверняка каждый из них думает, что, когда выучится, его уж точно будет ждать успех. Да кому вы нужны? Дешевые куклы из вонючего китайского пластика. Вам нужны не мозги, а связи и деньги. Пока что у нас еще так принято. Ведь пока вы тут пыхтите на паре, в провинциальном филиале не самого эффективного универа, кто-то даже не появляется на них в самом престижном вузе, потому что его папа «забашлял лавэ» или вообще ректор этого же заведения. И когда вы, получив диплом, придете с таким ребеночком устраиваться на одну работу, то у работодателя даже не возникнет вопроса, кого из вас взять. Зачем? Зачем вам мозги? Чтобы в конце концов все равно отгонять ворон с чужого огорода? Ведь, имея мозги, вы не перестаете быть от этого чучелами, поэтому здесь нужен полный набор, и прежде всего храбрость, чтобы отказаться от этой незавидной роли. Но вы слепы, не хотите замечать очевидных вещей, а может, вам не хотят их показывать.

И тут вам говорят, что есть некий волшебный эликсир под названием «знания», от которого вы станете невероятно успешными и разумными людьми. И чем больше вы его будете употреблять, тем больше вероятность этого. Наверное, так же говорили моим родителям, когда они учились в СССР. А спустя какое-то время их страна рухнула вместе с их преподавателями. И мама, взяв в руки тяжелые сумки, пошла торговать на рынок, где оставила последнее здоровье,

а отец устроился работать таксистом, чтобы иметь хоть какие-то средства для существования. Это при том, что у обоих высшее образование. И вот вы постоянно берете этот чертов эликсир у преподавателей и пьете, пьете, пьете его. После чего пытаетесь выжать из себя хоть каплю драгоценного разума, чтобы определить, появляется ли у вас мозг, но увы... пока сыплется только дешевый песок».

***

– Бля, хули мы сидим? – голос Коляна вернул меня в действительность.

– Че, отпустило?

– Ну, почти.

– Надо еще графики строить, а так в падлу, – пожаловался я.

– Не гони, чуть-чуть осталось, – подбодрил меня Колек.

– Ладно, давай, в любом случае рано или поздно нам придется сдавать эту работу.

С горем пополам мы все-таки доделали «лабораторку» и даже умудрились ее защитить на «тройки». Конечно же, препод, как всегда, пошел нам навстречу, зная нашу «тягу» к учебному процессу. Честно говоря, меня вполне устраивала такая позиция, когда путем нехитрых действий ты снижаешь к себе требования до минимума, после чего стоит лишь капельку поднапрячься, и преподаватели тут же начинают аплодировать тебе стоя. Конечно, это касалось не всех пре-

подов, но большей части – уж точно.

Вот и в этот раз произошло то же самое. Преподаватель сильно удивился, что мы с Колючим сами смогли произвести все расчеты, и даже закрыл глаза на то, что графики были начерчены «хуй знает как». Главное в этом деле было показать свою заинтересованность и сделать вид, что ты наконец-то взялся за ум. Так что еще один квест на сегодня был пройден.

После «лабораторок» мы с трудом отсидели две скучные лекции и потом решили попытаться сдать хоть какие-то задолженности. Узнав, кто из преподавателей сегодня в институте, мы отправились к ним.

***

– Добрый день, Марина Борисовна, можно войти? – поздоровался я и вошел в кабинет.

– Здравствуйте, проходите, – ответила она, не отрывая взгляд от каких-то чертежей на столе.

– Я хотел поинтересоваться по поводу задолженности.

– А вы у меня кто?

– Акимов Николай, второй курс.

– А-а-а, знаменитый Акимов, – с сарказмом произнесла она. – О вас тут ходят целые легенды.

– Почему?

– Да потому что вас практически никто никогда не видел. Вот и стали слагать легенды, как о некоем студенте-призра-

ке.

– Да я просто болел долго, – начал я сочинять на ходу.

– Ладно, эскиз принесли?

– Да, вот.

– Вот здесь размеры убрать, вот здесь добавить, так, вот это не надо, а вот это должно быть, – быстро объяснила она и вернула эскиз.

– А можно у вас здесь исправить?

– Пожалуйста, – ответила она и уткнулась дальше в чертежи.

Марина Борисовна была преподавателем начертательной геометрии и инженерной графики. По сути она была права, так получилось, что на ее предмете я отсутствовал больше всего. Просто в начале каждой сессии мы «пробивали» всех преподавателей и делали свой рейтинг «тошных преподав», который сильно влиял на посещение соответствующих предметов. Так уж вышло, что Марина Борисовна была на последнем месте в этом рейтинге, и, сам того не замечая, я как-то быстренько положил на ее предмет. В итоге даже не был допущен до зачета из-за долбаного эскиза, который потом мне нарисовал «ботаник» из группы за небольшую плату. Естественно, если бы этот «ботаник» принес ей мой эскиз, то у нее не возникло бы к нему вопросов, но... пришел я. Видимо, ей просто надо было показать, что я зря пропускал ее занятия, и теперь меня ждет соответствующая распла-

та за легкомысленное поведение. Теперь она принципиально будет находить мелкие неточности, чтобы я их исправлял. И я это прекрасно понимал, но деваться некуда, надо было принимать правила игры. Ее роль заключалась в строгом преподавателе, а моя – в ученике, который раскаивается и убеждает, что полностью признал свою вину. И все-таки было видно, что Марина Борисовна – достаточно мягкий человек, и стоит немного надавить, как она пойдет навстречу. А для этого мне надо было вызвать у нее чувство жалости, только и всего. Взяв свой эскиз, я сел за свободный стол.

«Бля, ебанный в рот, сука», – отчаянно подумал я, когда понял, что у меня нет карандаша и линейки. Весь мой план летел в пизду. Вместо того, чтобы спровоцировать жалость к себе, я вызову только раздражение и отвращение. Надо было срочно что-то придумывать...

– Простите, пожалуйста, а можно попросить у вас линейку и карандаш, – с досадой промямлил я.

– Хм, неплохое начало, – иронично подметила она. – Пришел на пересдачу без главных принадлежностей, необходимых на предмете, молодец.

– Да нет, я просто забыл их на первой паре, вот смотрите, если не верите. Я сегодня уже строил график на лабораторной работе.

– Ну хоть на лабораторные ходишь. Ладно, возьми.

– Спасибо, – поблагодарил я.

И тут почувствовал, что игра начала складываться в мою

пользу, что еще пара таких приемов, и она сдастся. Главное было оставаться любезным и делать вид, что ты виновен во всех смертных грехах.

– Посмотрите, пожалуйста.

– Что ж так неаккуратно? – поинтересовалась она. И тут же добавила: – Есть ластик или тоже забыл?

– Нету, – честно признался я и попытался убрать карандаш, чтобы она не заметила стертый ластик на нем. Но у меня не получилось.

– На, держи, иди подчисти все аккуратненько.

«Вот доебалась, блин», – мысленно произнес я и пошел обратно на свое место.

Честно говоря, я ненавидел чертить, строить графики и все, что было связано с карандашом и линейкой. Такие работы всегда получались у меня небрежно и коряво. Это, кстати, тоже повлияло на посещение занятий Марины Борисовны.

– Все, – сказал я и вновь показал ей эскиз.

– Ну хорошо, сейчас ответишь на пару вопросов и, считай, свободен.

Конечно же, ни на какие пару вопросов я не ответил, потому как у меня даже не было лекций по ее предмету, не говоря уже о каких-то знаниях. Поражение казалось неминуемым...

– И что с тобой делать, скажи мне? – спросила она и сразу добавила: – Ты даже элементарных вещей не знаешь.

– Да я понимаю, – согласился я.

– Понимает он. Ходить надо на занятия потому что.

– Да у меня просто мама болела, – нагло соврал я.

– Мама у него болела, а лекции что, тоже не мог взять?

– Да я взял и не успел переписать.

– Переписать не успел, – с сарказмом повторила она. –

Ладно, давай зачетку.

– Спасибо большое, – радостно воскликнул я. – До свидания.

– Прощай!

***

– Бля, хули так долго? Я уже полчаса тут стою, – пожаловался Колян.

– Да весь мозг мне выела, заебала причитать, – ответил я ему. – Ты сам-то сдал матан свой?

– Неа, да ну его в пизду, – обиженно произнес он. – Дала мне какую-то задачу решать, я даже не пытался вникать в этот бред, не знаю, как у тебя получилось сдать?

– Да фортануло просто, и я сел с «ботаником» на зачете, – оправдался я.

– Понятно, сейчас-то сдал?

– Да, еле-еле.

– Красава! Много тебе еще сдавать?

– Еще три.

– И мне три, – подметил Колек и добавил: – Ладно, пойдем отсюда, на сегодня хватит знаний.

После универа мы с Колючим частенько шли пить пиво на стадион или в парк, а иногда, «накурившись», просто шатались по городу, угорая по всякой фигне.

Приблизительно так складывалась моя студенческая жизнь вплоть до определенных событий, случившихся в начале третьего курса.

***

Летом меня укусил радиоактивный комар, и я стал человеком-комаром. Я понял, что во мне регулярно просыпается жажда крови, и мне необходимо пить кровь людей. Сначала я без разбора сосал у всех подряд, ну в смысле кровь, а потом понял, что могу приносить пользу своему маленькому городу и помогать властям бороться с преступностью. Я сшил себе яркий костюм и маску с хоботком, в которую проделал трубку и иголку от капельницы. И однажды в таком эпическом виде я вышел на улицы. Так как у нас в городке не было мировых злодеев, террористов, маньяков, чокнутых ученых, то мне приходилось довольствоваться тем, что есть. То есть в основном наркоманами и проститутками, пускай это не так престижно, но кто-то же должен заниматься грязной работой! Поначалу было как-то неловко и брезгливо зачищать город от этого сброда, но потом я вошел во вкус. Вкушая кровь наркоманов, я сам приходил в наркотическое опьянение, и спустя какое-то время меня стало радовать это ощущение. А от многих проституток мне многое перепада-

ло, ну если вы понимаете, о чем я. Поэтому большинство из них я отпускал, взяв с них обязательства, что вскоре они завяжут с этой аморальной работой. Потрясающее время...

Разумеется, это была шутка. Ебаные западные комиксы. Какому дебилу вообще могло прийти такое в голову? Приторно-сладкие супергерои со стеклянными глазами, готовые крушить все на своем пути, лишь бы остановить каких-то недоумков, творящих зло без какой-либо цели. Просто зло во имя зла. Скучно. Никакой интриги. И каждый из них постоянно ноет о том, как тяжело быть супергероем и постоянно спасать мир. Так нахуй ты его тогда спасаешь? Иди, блять, со своими суперспособностями работай на завод – поднимай экономику страны, заведи семью, детей. Потом любовницу, которая, беременная (не от тебя), случайно погибнет под колесами автомобиля твоей жены, после чего ты благополучно вскроешься в ванной. Аминь.

3. Приход

Фитилев Никита Михайлович, или просто Фитиль. Мой закадычный кореш. Так, по крайней мере, наверное, думал он. На тот момент я знал его года три. Откровенно говоря, Фитиль был скользким типом, но это не мешало почему-то мне с ним общаться. Никитос позиционировал себя как человека, которому любой вид деятельности был по плечу. Он с легкостью брался за очень сложные задачи, абсолютно не предполагая, как их решать, а когда пропадал энтузиазм, с такой же легкостью бросал их. Например, у меня были проблемы с жестким диском на компьютере, так он с полной уверенностью, что может помочь мне, изъял его из системного блока, разобрал, потом собрал и установил обратно в комп. Естественно, после этого компьютер вообще перестал грузиться. Ну не идиот ли? И таких примеров на моей памяти десятки. По своей сущности он был очень тщеславным человеком, любил находиться в центре внимания, но чаще всего ему не удавалось произвести определенное впечатление на людей, поэтому слава всегда обходила его стороной. Фитиль практически всегда был в движении, вечно что-то мутил, какие-то аферы и авантюры. В его голове постоянно возникали какие-то комбинации, схемы, алгоритмы. Видимо, его любимым персонажем был Остап Бендер, но до него, конечно же, Фитиль, мягко говоря, не дотягивал. Никитос частенько

любил самоутвердиться за чужой счет, и когда он пытался проделывать такие фокусы со мной, то нередко приходилось его осаживать, обличая в каких-то деталях, за что он почему-то обижался. Одевался Никита тоже своеобразно. Он любил яркую безразмерную одежду, широкие штаны и огромную обувь, такой типичный западный тинэйджер из 90-х.

Наши с ним взаимоотношения более походили на партнерские, чем на дружеские, потому что Фитиль редко делал то, что не приносило ему выгоды. Поэтому я не торопился сближаться с ним, хотя мы и проводили много времени вместе. Находясь в компании, он легко мог внезапно куда-нибудь «слиться» после очередного звонка, а потом так же внезапно появиться. Если брать его личность в целом, то он больше походил на шута, который изо всех сил старается быть деловым, серьезным человеком, и меня это очень сильно забавляло. При всей своей напыщенности мне очень резко бросались в глаза его жалкие попытки, которые он регулярно предпринимал, чтобы показать свою эрудированность и произвести впечатление на людей, и я с едким сарказмом наблюдал за тем, как он в очередной раз потерпит фиаско. Но бывали и единичные случаи, когда ему удавалось на мгновение сорвать овации, и тогда я расценивал это как чудо, а может быть, просто завидовал в те моменты. Тут надо добавить: единственным, что нас объединяло, была музыка. Жесткая, агрессивная, мощная электронная музыка. Нас не интересовало направление, главное было, «чтобы качало». При встре-

че мы регулярно обменивались новинками из области электронной музыки и постоянно соперничали в этом плане.

Фитилев приехал к нам в город из какой-то дыры, еще меньшей, чем наша. Его мама работала учительницей младших классов, она была еврейкой, что, видимо, отразилось на личности Никиты Михайловича, а отец служил прапорщиком на должности начальника столовой. И вот по сроку службы его отцу выделили квартиру, после чего они всей семьей переехали к нам в город.

***

– Даров, студент, – поздоровался Фитиль.

– Какие люди, ну, привет!

– Как сам? С учебы чешешь, что ли?

– Ну да, надо пожрать пойти, а ты че?

– Да ниче, суечу, кручу, верчу потихоньку, – пропел он.

– Хм... ты, блин, как всегда, – засмеялся я.

– Кстати, тебе труба не нужна?

– Че за труба? – спросил я и добавил: – Дорогая?

– Да не, тут тип с соседнего района толкает за трешку.

– Небось на самом-то деле за две с половиной, а пятихатку себе накидываешь?

– Да не, там другая тема, если будешь брать, скажу, – интригуя, сказал Фитиль.

– Ты че меня разводишь? Я же твои подходы беспонтовые знаю как свои пять пальцев.

– Хорош тебе! Не гони! Ты же мой кореш, нахер мне это надо?

– Ну а че тогда не можешь сказать, что за тема?

– Боюсь, что может не получиться, ты лучше помоги мобилу слить, – подмигнул он.

– Ладно, я что-нибудь попробую, давай, на созвоне, – ответил я и пошел домой.

***

Конечно же, никакая мобила мне была тогда не нужна, и я просто хотел в очередной раз подразнить Фитиля, мол, якобы мне это интересно, но в итоге он переиграл меня и сумел заинтриговать. В ситуации с другими людьми я легко бы угадал, о чем идет речь, но не в случае с Фитилем. За эту трубу он мог «выкружить» что угодно, от титанового спиннинга с набором ржавых блесен до старого микшерного пульта без кнопок, поэтому гадать было бесполезно. Я решил подумать с другого конца и прикинул, кто с соседнего района, кого знает Фитиль, мог продавать телефон, но пришел к выводу, что все, кого я оттуда знаю, вполне вменяемые люди и вряд ли стали бы обращаться к Никитке за такой помощью. Это вызывало еще большее любопытство, хотя Фитиль постоянно терся с какими-то сомнительными персонажами, но сейчас мне было очень интересно, что задумал этот мутный тип. Поэтому я посмотрел в телефонной книге, кто может заинтересоваться «трубкой за трешку», и позвонил с предложением

нием по нескольким номерам, но положительного ответа не получил. Немного подумав, я решил, что Фитиля нельзя терять из виду, а то он легко мог уже где-нибудь затеряться, «накуренный» в хлам. Я взял телефон и набрал его номер:

– Алло, братан, ну че там с твоей мобилой?

– Да пока глухо, а что?

– Просто я тут с одним типом созвонился, и он готов посмотреть, – подбодрил я.

– Ну давай тогда минут через двадцать выходи, я подойду уже к твоему дому, – с надеждой предложил он.

Положив трубку, я «вбил» в телефонную книгу свой старый номер, который давно не использовал, назвал его «Коля Сотин» и сохранил.

На данный момент главной задачей было встретиться с Фитилем, чтобы потом уже не расставаться с ним, пока не узнаю конечную цель. Честно говоря, мне все это представлялось очередной «гениальной» сделкой Никитоса, после которой я долго буду угорать и в очередной раз объявлю его долбоебом, за что он опять обидится. Но на этот раз, мягко говоря, все пошло не совсем так.

– Ну че, где он, этот тип твой?

– Не знаю, надо звонить. Когда я связывался с ним в последний раз, он сказал, что будет в городе где-то через час. Тогда он ехал с работы, – соврал я.

– Ну давай звони тогда и спроси, бабки у него с собой?

Я достал телефон и стал набирать номер.

– Блин... прикинь, телефон выключен у него, – признался я.

– Да ладно. Он че, гонит? – расстроился Фитиль.

– Ты не кипишуй, может, едет где вне зоны доступа или батарейка села, ща включится.

– Просто я уже договорился с продавцом, что скоро зайду, – признался Фитиль.

– Да зайдем, не очкуй так, все будет!

– Что это за тип-то хоть?

– Коля Сотин, в параллельном классе учился, нормальный парняга такой.

– Ладно, в любом случае придется ждать. Мне там тоже из пары мест позвонить должны, сказать, будут брать или нет, – признался Фитиль.

Вот именно на это я и рассчитывал, потому что хорошо знал Никитку: не в его стиле было надеяться только на один вариант, поэтому у него всегда в запасе было несколько сценариев развития событий. Видимо, сказывались еврейские корни.

***

– Алло, Костян, ты? Я все по поводу трубки, будешь брать? – поинтересовался Никита. – Давай тогда у тебя на районе? Хорошо, я минут через двадцать пять там буду, – сказал он и сбросил вызов.

– Че за Костян? Я его знаю?

– Думаю, вряд ли, он сам с соседнего района, пару раз помогал мне плана замутить, а тусуется обычно в центре.

– Надежный хоть или очередной фуфлыжник?

– Не, Костян нормальный тип – серьезный. С блатными обычно тусуется.

– С этими блатными лучше не связываться, а то как с Оленем получится, кинут на бабки и скажут, что сам виноват, – напомнил я ему.

– Олень на то и Олень, чтобы его на лавэ крутили, – с усмешкой произнес Фитиль.

– Ну, в принципе, да – без лоха и жизнь плоха, – подтвердил я.

Тут Фитиль достал телефон и сделал вызов.

– Алло, Тем, ты? Давай я минут через сорок зайду за трубкой?.. В смысле с лавэ?.. Ну мне мобила нужна, чтобы показать ее... Ладно, давай я зайду и поговорим, – напряженно сказал Фитиль и положил трубку.

– Тема? Кто такой? – озадаченно спросил я, перебирая в памяти всех Артемов, каких только знал.

– Да не заморачивайся, его ты точно не знаешь.

Честно признаться, меньше всего мне хотелось лазить по этой сырой ноябрьской слякоти вместе с Фитилем. Но любопытство брало верх, и, несмотря на морозящий дождь и пронизывающий насквозь ветер, я продолжал петлять между мрачными серыми домами, через унылые дворы с ржавыми детскими площадками, походившими больше на декорации

из фильмов ужасов, чем на облагороженные людьми участки земли.

Вообще наш городок представлял собой довольно угнетающую картину. Такая архитектурная смесь построек от богатых, царских полуразрушенных храмов и усадеб до строгих советских «сталинок» и «хрущевок», исключаящих лишнюю «требуху». И все это было приправлено полным равнодушием девяностых к былому наследию, в результате чего разрушительная мощь времени нанесла свой отпечаток на уже выдавшие виды постройки. Думаю, если взглянуть на наш город с самой высокой точки, то можно вполне отчетливо ощутить все прелести жизни, через которые проходили обычные горожане в разные времена. От крепостного права с печальными глазами крестьян без какой-либо надежды на будущее до советских репрессий, сметающих многовековые храмы на глазах все тех же «освобожденных» крестьян, в которых читался ужас. Но на данный момент еще отчетливо витал дух девяностых. Чувствовались какая-то хроническая усталость, беспомощность и безнадежность. Казалось, что в воздухе до сих пор стоит отчетливый запах пороха и крови от недавних перестрелок, которые устраивались бандитскими группировками в борьбе за сферы влияния. И было вполне естественно, что такая картина отражалась на лицах обычных людей, населявших наш небольшой городок. Складывалось впечатление, что их, изнемогавших от сильнейшего голода и холода, потерявших всякую надежду на жизнь, поки-

нули силы, и глаза молят о том, чтобы лечь, сжавшись «калачиком», и забыться вечным сном. Все их естество говорило о поражении, и поражении прежде всего духовном. Особенно отчетливо это ощущалось именно сейчас, в начале ноября...

***

Добравшись наконец-то до соседнего района, Фитиль созвонился с Костяном и договорился о месте встречи. Пришли двое – один Костян, а второй – парень кавказской внешности по имени Азамат. Оба они сразу мне как-то не понравились, потому что начали задавать много вопросов, сначала Никите, а потом мне. Сколько мне лет, где живу, кого знаю и так далее. В общем, на нашем сленге, решили «пробить» меня. По ним сразу было видно, что это поклонники блатной романтики, типичные «выкидыши девяностых». Короткие черные куртки из «кожзама» с приподнятыми воротниками, джинсы и кроссовки. Такие обычно сначала входят в доверие – обрабатывают, а потом резко и нагло «кидают». Вот и я инстинктивно на тот момент ощутил себя их жертвой.

– У тебя с собой труба? – спросил Костян у Никитоса.

– Нет, надо дойти взять тут недалеко.

– А че, сразу не мог взять?

– Нет, – сухо ответил Фитиль.

Когда мы дошли до дома, где жил Тема, Фитиль попросил подождать нас во дворе, а сам пошел к нему домой. В

такие моменты я ненавидел Фитиля, потому что уже бывали случаи, когда он оставлял меня с незнакомыми людьми, и я в очень резкой форме высказывал ему свое недовольство. Надо признаться, что отсутствовал он достаточно долго (минут двадцать), как потом оказалось, уговаривал дать ему телефон на десять минут, чтобы показать покупателю, а тот не соглашался. В итоге (не знаю, как) он уговорил этого Артема, и тот доверил ему трубку.

– На, смотри, – сказал Фитиль и протянул телефон.

– Ну, с виду так вроде ничего, да, Азамат? – поинтересовался Костян у друга и подмигнул ему.

– Так-то да, – улыбаясь ответил Азамат и добавил: – А есть симка, чтобы проверить?

– У меня нет.

– Ладно, ща из своего вытащу, – с готовностью ответил Никитос и полез в карман за своим телефоном, ведомый чувством наживы.

Костя вставил сим-карту в телефон и набрал номер Азамата. У того в кармане раздался сигнал, после чего он сбросил. Затем он проверил функции медиа и наличие флэш-карты с записанными на нее файлами и улыбаясь сказал:

– Короче, пацаны, тема такая, что это моя мобила, – вдруг ни с того ни с сего заявил он и добавил: – Докажи, Азам?

– Ну да, стопудово она, – с характерным акцентом произнес Азамат.

– Не понял, в смысле твоя? – ошарашенно спросил Фи-

тиль.

– Три дня назад какая-то гнида спиздила его у меня, когда я в клубе бухал с пацанами! Вот Азамат свидетель, и тут даже фотки мои не потрудились удалить. На, смотри, – сказал Костян и показал нам фотки из телефона.

Сказать, что я был поражен, значит не сказать ничего. Фитиль тоже стоял как вкопанный, не зная, как реагировать в такой ситуации.

– Ну давай тогда я верну мобилу этому типу, а вы выдержите его попозже и нахуярите ему, – предложил Фитиль.

– А че за тип-то? – спросил Азамат.

– Да хуй его знает, зовут Артем, живет во втором подъезде на четвертом этаже.

– В натуре, парни, просто получается, что мы крайние в этой ситуации, – попытался вступить я за Никиту.

– А ты че, его адвокат? – с наездом предъявил Костик.

– Нет, просто нехуй нас впрягать в это!

– Нехуй пизженное сбывать, или вы в барыги метите?

– Знаешь, какой спрос с барыг? – поддержал его Азамат.

– Короче, возвращай мобилу! Сделка отменяется, – не выдержал Фитиль.

– Какая нахуй сделка? Иди тусуйся, – выпалил Костик.

– Вы че, совсем охуели? Трубу отдали! – с наездом сказал я.

– Воу-воу, полегче, петушки, – сказал Азамат и достал нож: – Ща пошинкую вас на суп, чушки.

Они стали удаляться, а мы с Никитосом стояли как вкопанные. Не знаю, что тогда испытывал он, но меня просто одолевала ярость. Если бы у меня в тот момент оказался ствол, то я бы выстрелил не задумываясь. Когда они отошли на приличное расстояние, я сказал:

– Ну и че теперь делать?

– Хуй его знает, – расстроено ответил Фитиль.

– Бля, я так и знал, что-то тут не так. Как-то странно, если у него подрезали мобилу в клубе, то почему даже не удалили файлы с флэшки и вообще не отформатировали телефон? Как-то это все подозрительно.

– Согласен, пахивает разводом, – признался Фитиль. – Ладно, пойду я к этому Теме, буду что-нибудь решать с этим, деваться некуда.

– Ладно, давай, я тогда пойду домой.

По пути я никак не мог понять, как такое вообще могло случиться. Мне было интересно, насколько велика вероятность того, чтобы данные события вообще произошли. Конечно, лично я от этого ничего не терял, но было просто обидно, что с нами поступили, как с тем Оленем, о котором мы вспоминали. Все равно я испытывал странное чувство подвоха, что-то во всей этой истории было не так. Об этом свидетельствовали многие детали. Но в то, что это была не случайность, мне особо не верилось. Просто сегодня так сошлись звезды, к сожалению, не в нашу пользу. С другой стороны, что мы могли тогда сделать? Обратиться в ментовку

за то, что чувак отнял у нас свой же телефон? Выглядело не очень убедительно.

***

– Алло, здорово, Колян, – услышал я знакомый голос в трубке.

– Здорово, Фитиль, как дела?

– Да нормально, че делаешь?

– Ничего. Дома сижу, в комп играю.

– Выходи гулять, пойдем тусанемся, – предложил он.

– Куда? Ты погоду видел? Да к тому же у меня лавэ нет, – признался я.

– Погнали в клубец вечером, оторвемся.

– Говорю же – лавэ нет, – повторил я.

– Блин, братан, я же не спросил, есть у тебя лавэ или нет, пошли, пока предлагаю.

– Ладно, погнали, где встретимся?

– Давай я к тебе зайду через часик? Ты один? – подозрительно спросил он.

– Пока что да.

– Все, жди тогда, – проговорил Никитос и повесил трубку.

Как-то все это было подозрительно. Обычно Фитиль никогда не проявлял щедрости ввиду своей полуеврейской наружности, а тут сам за свой счет предложил пойти в клуб. Опять у него получилось заинтриговать меня, поэтому следующий час я думал о предстоящей встрече.

– Привет, – заходя в квартиру, произнес Фитиль.

– Здорово еще раз.

– Можешь чаю замутить, если не сложно, – попросил он.

– Ладно, ща сделаю.

С первых секунд нашей встречи Фитиль показался мне каким-то странным. Чересчур дружелюбным и общительным, что ли. Вроде бы внешне особых признаков не наблюдалось, но ощущалось как-то интуитивно.

– Ну че там с этой историей с мобильным? – поинтересовался я, пока готовил чай.

– Да нормально все, правда, пришлось возвращать бабки за трубу, – признался Фитиль.

– А че, этого Тему так и не прессанули? – удивился я.

– Да не, кто его прессанет, эти отморозки, что ли?

– Ну да, это же их телефон.

– Так-то да, но там все гораздо интересней получилось, чем мы думали. Короче, я тебе скажу, если никому не расскажешь, ок?

– В такие моменты я представляю себя в американском суде, присягающим на Библии. Нахера мне кому-то что-то рассказывать, если это касается только нас двоих?

– В общем, тот Тема, у которого я взял трубу, периодически подбарыживает амфетамином, именно его он мне и обещал в тот раз, если бы я слил мобилу, да еще и наварился бы тогда на штуку. Но те перцы спутали нам все карты. Оказывается, тот хер, который Костик, на самом деле заложил

свою мобилу через каких-то людей Теме за пару грамм фена. Как раз чтобы тусануться с этим хачом в клубе. А нам преподнес так, что как будто у него ее украли, прикинь?

– Мда, вот это заплет, а че Тема фотки с нее не удалил тогда? – удивленно спросил я.

– Потому что этот черт обещал выкупить трубку на следующий день, и те пацаны, через которых он закладывал, попросили Тему не форматировать телефон, – пояснил мне Фитиль.

– А, ну тогда все понятно. Рад, что ты все-таки размутился с этой темой, пусть и не наварился, но зато хоть лицо целое осталось, – с иронией подметил я и поставил чай на стол: – Будешь бутерброды или печенье?

– Не, спасибо, просто чай. А по поводу того, что не наварился, я бы с тобой поспорил, – загадочно произнес Никитос и выложил на стол маленький сверток из целлофана с каким-то светло-розовым порошком внутри.

– Неужели это то, что я думаю?

– Именно оно, ну что, бахнем?

Тут надо сказать, что амфетамин, или фен, я пробовал однажды в жизни. На какой-то вечеринке в клубе, когда я был уже бухой «в говно», кто-то насыпал мне небольшую дорожку, и я занюхал. Не могу сказать, что был в восторге, потому что особо ничего так и не почувствовал. То ли качество было плохое, то ли слишком мало оказалось на мою пьяную рожу, ну а может, потому, что я продолжил дальше бухать.

Из-за этого я как-то особо не стремился больше раздобыть этого порошка, поскольку считал, что это пустая трата денег. Поэтому я больше предпочитал классический вариант алкоголь плюс ганджубас или гашиш, иногда мог закинуться какими-нибудь аптечными колесами, антидепрессантами или транквилизаторами, но после школы это была редкость.

***

То, что произошло дальше, повергло меня в шок. Как ни в чем не бывало, Фитиль достал из своего рюкзака какую-то ампулу с водой и два шприца.

– Да ладно? Ты че, гонишь? Я буду нюхать, – на полном серьезе сказал я.

– Братан, здесь на самом деле маловато для двоих, поэтому надо употреблять в таком виде. Если не хочешь, то я не заставляю, но я буду заваривать все. Без обид, – произнес Фитиль, аккуратно раскрывая пакетик с порошком. – Дай маленькую ложку.

Я дал ему ложку, и он аккуратно высыпал в нее содержимое пакетика, после чего облизал его. Потом взломал ампулу с водой, взял ее в шприц, а затем вылил в ложку и подогрел ее. Далее он попросил у меня кусочек ваты, бросил его в ложку с раствором и выбрал его обратно в шприц. После всего этого перелил половину раствора во второй шприц.

– Ну что, надумал? Или я возьму с собой в клуб и потом еще там догонюсь, – сказал он.

– Блин, не знаю, если честно. А ты сможешь мне сделать?

– Конечно, че там делать? У тебя вон какие шланги, – подметил он, указывая на мои вены, и добавил: – Только сначала сам поставлюсь.

Тут он закатал рукав, и я увидел, что у него на вене уже присутствовала пара красных точек. Несомненно, это были следы от уколов. Он поработал кулаком и сделал себе укол, после чего закрыл глаза и попросил меня не трогать его минут пять.

– Ну что, готов? Задирай рукав!

Я испуганно закатал рукав, и он зажал мне руку выше локтя, после чего попросил поработать кулаком. Потом аккуратно воткнул иглу в мою вену, выбрал контроль и загнал все обратно.

То, что было дальше, не поддается описанию. У меня сперло дыхание, как будто что-то внутри мешало набрать полные легкие воздуха. По голове побежали мурашки, будто тысячи маленьких паучков начали бегать по ней, цепляясь за кожу своими лапками. Это было похоже на цунами, которое накрывало тебя изнутри, растекаясь по всему телу. Спустя где-то пять минут я открыл глаза.

– Ну как? Приходнуло? – с любопытством спросил Фитиль, допивая чай.

– Еще как.

– Ладно, давай одевайся, пора в клуб выдвигаться, а то меня там люди ждут.

Я как можно быстро оделся, и мы выдвинулись в клуб.

Самое главное на тот момент для меня было не наткнуться на мамку, потому что она вряд ли узнала бы меня. Под «быстрым» ты ведешь себя как полный осел. Со стороны такой дружелюбный, любезный и располагающий к себе, ты можешь нести такую ахинею, что даже пьяный не всегда выдержит конкуренцию. Главное, найти свободные уши, и тогда речь льется рекой из твоих уст. Вот и тогда мы с Фитилем увидели друг в друге объект для «благородной» дискуссии.

– А почему ты вдруг решил зайти ко мне? – поинтересовался я, прикуривая сигарету.

– Ну, типа хотелось как-то отблагодарить тебя за то, что ты не бросил меня в тот раз.

– А-а-а. Спасибо, что ценишь хотя бы мою помощь, – с иронией подметил я.

– Я всегда ценю помощь и дружбу, просто ты не замечаешь этого или не хочешь.

– Видимо, именно поэтому ты хотел сначала впарить ту машину мне, чтобы навариться за мой счет.

– Вообще-то тебе я бы отдал ее за реальную цену, так что зря ты так, – обиделся он.

– За трешку? Да ей красная цена две с половиной штуки! А тут еще через барыгу сливать надо было, так что можешь не рассказывать!

– Ладно, не хочешь, не верь, – снова включил он обиженного.

Тем временем мы подошли к клубу. Фитиль достал теле-

фон и начал звонить кому-то:

– Алло, Светлана Сергеевна? Это Никита, я вот подошел... хорошо... только со мной человек, можно он тоже? Ага, я все понял.

– Кто это?

– Светлана Сергеевна, администратор клуба.

– Так мы че, не тусоваться идем? – с недоверием произнес я.

– Еще как тусоваться, причем на самом крутом месте – в диджейской, – интригуяще ответил он и двинулся в клуб.

Оказывается, Фитиль все продумал заранее. Не знаю, каким образом он смог выйти на администратора клуба, но оказывается, что однажды в самый ответственный момент ди-джей, который раньше играл здесь, перед очередной суб-ботней дискотекой куда-то пропал и перестал выходить на связь. Вот тут-то Никитка и подсуетился, как именно, для меня до сих пор загадка, но факт остается фактом – он устроился на испытательный срок ди-джем в один из самых крутых клубов города – «Муссон»!

***

Если описать тремя словами «Муссон», то звучало бы это как «элитный провинциальный клуб». «Муссон» представлял собой компактное двухэтажное строение, примыкающее к высотному зданию, расположенному в центре города. Созданный в середине 90-х, он сначала назывался «Комета»

и был скорее диско-баром с танцполом, размещенным на первом этаже, и рестораном, который располагался на втором. Но буквально за пару-тройку месяцев до того, как туда устроился Фитиль, из него сделали полноценный клуб с двумя танцполами и барами на первом и втором этажах соответственно. Изначально хозяевами клуба была какая-то криминальная братия, которая практически вся мужественно сложила головы в суровых разборках 90-х. После чего его за символическую плату выкупил пожилой предприниматель, выходец из Казахстана Аркадий Леонидович.

Естественно, как в нашей стране принято, все руководящие должности в клубе занимали родственники Аркадия Леонидовича или их очень близкие знакомые. Начиная от администратора, директора, главбуха и заканчивая старшим официантом и барменами. Не хочу перечислять родословную Аркадия Леонидовича, которая имела непосредственное отношение к руководству клуба, так как боюсь запутаться в хитросплетениях могучего родового древа и, споткнувшись о массивные корни, разбить себе лоб. Скажу одно: эти люди имели весьма посредственное отношение к клубной индустрии, и их познания в этой области ограничивались уровнем школьных или сельских дискотек 80-90-х годов.

Сам же Аркадий Леонидович являлся генеральным директором. Он был достаточно пожилым мужчиной лет под семьдесят, а может, даже и за. Низкого роста, с аристократическими чертами лица. Весьма рассудительный и осторож-

ный человек. Исходя из его возраста, было понятно, что его познания в клубной сфере были еще меньше, чем у родственников. Он по сути собирал сливки и особо не вмешивался в работу заведения. Был принципиальным консерватором, очень скептически относившимся к разного рода инициативным предложениям, или попросту старым жлобом. Ведь за все новые внедрения (музыка, свет, бар, интерьер, кухня) надо было платить.

Что касается контингента посетителей клуба, то это в основном были молодые люди в возрасте от двадцати до тридцати пяти лет. В основном, имеющие средний и выше заработок. Молодые парни приходили выпить и склеить телочек, а вполне ухоженные, а иногда даже симпатичные девушки наведывались выпить, потанцевать (нередко на шесте) и пофлиртовать с парнями, чтобы потом еще раз выпить и пофлиртовать. Все это называлось одним словом «потусоваться», или «тусануться». Могу точно сказать одно: по сравнению с другими аналогичными заведениями, где малолетки в спортивных костюмах, обожравшись алкоэнергетика под жесткий электрохаус или драм-н-бейс, часто блевали на танцполе, а потом как ни в чем не бывало продолжали отплясывать на этой луже «тектоник», «Муссон» еще выглядел вполне достойно. Таких клубов в городе было всего три-четыре штуки, но все они однозначно уступали «Муссону» по расположению, так как находились в основном на окраинах. Относительно музыки тут все было вполне предсказуемо.

В основном коммерческая, ротационная попса, начиная от какого-нибудь ритм-н-блюза и заканчивая диско, электро и дип-хаусом.

На мой взгляд, больше всего посетителей привлекал интерьер. Два просторных танцпола на разных этажах, два бара, внушительная акустика и вполне современный свет. Столики для посетителей располагались в специальных нишах, сделанных в стенах, а также вдоль самих стен. Муссон с первого взгляда показался мне каким-то уютным и родным.

Сама диджейская (где нам с Фитилем предстояло провести большую часть времени) находилась между первым и вторым этажом. Она представляла собой небольшой открытый балкончик, на который вмещалось максимум четыре человека. В свою очередь, по его контуру была сделана стойка, где размещались два светильника на гибкой ножке, два CD-проигрывателя, микшерский пульт, световой пульт и мониторы. А под стойкой находились три параметрических эквалайзера. Честно признаться, когда я в первый раз оказался в диджейской, то почувствовал себя как будто в кабине авиалайнера с целой кучей непонятных датчиков, тумблеров, кнопок, рукояток и прочего. Я был так впечатлен и восхищен теми людьми, которые разбирались во всем этом, плюс к тому же еще «спиды» усиливали эффект.

***

Придя в клуб, Фитиль представил меня перед всем кол-

лективом. Большая его часть обычно сидела до начала дискотеки на первом этаже за столиком. Кто-то пил кофе, кто-то курил, смотрели телевизор. Играла легкая, позитивная музыка фоном. Официанты носились с тряпками и натирали столы, другие за баром натирали посуду. Бармены таскали со склада алкогольную продукцию в коробках, вели учет. В общем, было понятно, что не происходит ничего необычного. Каждый занимался своим делом, так же, как и на прошлых выходных, на позапрошлых, позапозапрошлых и так далее.

И если для всех вокруг не происходило ничего удивительного, то я был просто восхищен! Будто попал в святая святых. Из унылого, серого, осеннего города я попал в Зазеркалье, где изобилуют яркие, насыщенные краски. Где обитают самые интересные во всем мире персонажи, и у них самая интересная работа. Я, как Алиса, готов был раствориться в этой атмосфере Страны чудес, чтобы вникнуть в каждый процесс, проходящий мимо меня. От того, зачем и как официант натирает стаканы, до того, как администратор общается с клиентами по телефону и бронирует им столики. Мне было интересно знать все. Я хотел расспросить каждого!

Если говорить о моем состоянии, то это можно было бы описать как «внезапная телепортация маленького мальчика из затхлого барака, воняющего перегаром на Кремлевскую елку с морем игрушек, разноцветных гирлянд, подарков и, конечно же, Дедом Морозом и Снегурочкой». Моей радости не было предела. И это учитывая, что дискотека еще даже не

началась.

Поднявшись в диджейскую, Фитиль с деловым видом стал мне объяснять, что есть что.

– Это микшер, включается здесь. Это деки, включаются вот тут, эквалайзеры, смотри сюда, мониторы и свет. За ним ты сегодня и будешь следить, – надменно сказал Фитиль и щелкнул подряд восемь тумблеров.

– Я как бы не умею. И вообще я в первый раз это все вижу.

– И что теперь? Я тоже не сразу во всем разобрался. Будешь учиться, что я, просто так тебя с собой взял?

– Да хер его знает, думаешь, я сразу смогу так во все вникнуть? – неуверенно спросил я.

– Вникнешь. Тут много ума не надо. Это на первый взгляд сложно, а когда принцип действия поймешь, то надрочишься, не очкуй.

– А музыку ты где брал?

– По-разному. Что-то в наследство досталось, что-то покупал, что-то в интернете нашел. Как говорится, с миру по нитке.

– Ну а что-нибудь серьезное есть? Из нашего? – намекая, спросил я.

– Не. Я сам здесь только вторые выходные, поэтому пока присматриваюсь, а жечь даже не записывал, чтобы по синей лавочке не врубить здесь. Хотя есть кое-что интересное. Специально для тебя сегодня записал, чтобы ты заценил. На, держи наушники.

После этого он вставил диск в проигрыватель и после его загрузки несколькими нажатиями нашел нужный трек. На цифровом дисплее высветилось название:

«Черный_рассвет_original_mix».

– Бля, вот это впечатляет, конечно! Срочно к себе в плейлист! Че, бухаешь тут?

– Ну так. Я, кстати, взял нам по парочке банок коктейлей, на вот, держи, – Фитиль расстегнул рюкзак и достал из него банку с коктейлем.

– О, благодарю.

– Не стоит. Ладно, ты пока побухай тут, музыку послушай в наушниках и изучи, какие кнопки за что отвечают, там они подписаны – «Фонари», «Лазеры», «Головы», «Стробоскопы», «Дым машина» и так далее, а я пока пойду с коллективом пообщаюсь, надо же налаживать отношения, – быстро протараторил он и скрылся.

Вначале, когда я нажимал все эти кнопки по очереди, меня как-то не сильно это впечатлило, но лишь до того момента, пока не выключили основной свет и не включили звук через колонки. Фитиль поставил какой-то «лайтовый микс» и позвал меня с собой в помещение для персонала. Там был туалет, в который он завел меня. Поначалу я подумал, что он просто проводит экскурсию и показывает внутреннюю, так сказать, рабочую часть процесса, но потом он задвинул щеколду...

– Че стоишь? Закатывай рукав, не тупи!

– Ты еще достал? – шепотом спросил я.

– Типа того, – промычал он, сжав зубами шприц и нащупывая вену.

Конечно, ничего он не доставал. У него изначально все было рассчитано на два раза. И тогда, дома, он просто нагло наебал меня, когда я предложил ему занюхать эту дрянь, но, видимо, ему не хотелось вмазываться одному, и поэтому он сказал мне, что там мало. Я, конечно, решил не протестовать, потому как мог вообще оказаться за бортом этого праздника, но определенные выводы сделал. Так тогда мне казалось...

И опять этот безумный приход. Мурашки по голове и уже знакомый вкус то ли яблока, то ли фиалки во рту. На самом деле мне хотелось подольше оставаться в этом туалете, и желательнее одному, но спустя пару минут Фитиль тихо отодвинул щеколду, осмотрел коридор, чтобы никто не проходил мимо, и резко шмыгнул в него. Я, еще не до конца пришедший в себя от прихода, двинулся за ним, а в голове как будто играл тот самый безумный трек – «Черный рассвет».

– Ну че, как тебе? – ехидно поинтересовался Фитиль, когда мы пришли в диджейскую.

– Охуенно, конечно, но мог и предупредить, что у тебя еще есть, – как будто обидевшись, произнес я.

– Да меня самого только угостили, не гони.

Дальше, сами не замечая того, мы стали кивать в такт му-

зыке, и пошли разговоры ни о чем. Просто было желание говорить, не важно, о чем, лишь бы общение не заканчивалось. Потом зашла официантка Саша и тоже присоединилась к нам, пока не начал подтягиваться народ, и ей пришлось идти собирать заказы. Сначала я не сразу врубился, что она тоже «обутая», но потом пригляделся к ее глазам и увидел огромные зрачки, а жвачка у нее во рту, которую она интенсивно пережевывала, окончательно убедила меня в этом. Потому что мы с Фитилем тоже очень активно пережевывали этот продукт, который буквально каждые двадцать минут просто превращался в кашу во рту, и мы закидывали все новые и новые резинки, не замечая этого. Тут у меня все срослось, откуда у Фитиля мог быть порошок, хотя это лишь мои предположения.

– Она что, тоже прикалывается?

– А ты че, сам не замечаешь? – улыбнулся он. – Здесь половина таких «работничков».

Больше я не стал вдаваться в темную сторону клубной жизни, а стал просто наслаждаться происходящим. Потихоньку, приблизительно к полуночи, клуб стал наполняться посетителями. Красивые, стройные девушки в коротких платьях и мини-юбках с шикарными прическами и маникюром, парни в шикарных рубашках и брюках или в ярких кофтах и футболках, подогретые алкоголем, начали активно выдвигаться на танцпол. Громкость музыки заметно возросла, и Фитиль стал выманивать все больше и больше людей, неуме-

ло сводя ротационную клубную попсу. Качество сведения было, конечно, ужасным, но знаменитые треки делали свое дело, несмотря ни на что. Я периодически пытался рулить светом и дым-машиной в такт музыке, и в один момент мне показалось, что у меня начало получаться. А может, просто кайф так разгонял, что казалось – ты само совершенство! Нет, даже казалось, что совершенно все вокруг! Периодически к нам заходили постояльцы, которые знали предыдущих сотрудников и возмущенно интересовались, где старые диджеи. Но одних, самых негодовавших, мы вежливо слали на хуй, а с другими, которые вели себя дружелюбно, знакомились и выпивали (конечно же, за их счет).

Обычно клуб работал до последнего посетителя, но чаще всего такого «персонажа» назначала охрана, и мы потихоньку делали музыку тише, а треки подбирали самые «унылые». В итоге самый шлак расползлся сам собой, кому-то успевало перепасть, и они уходили парочками, а кто-то, увы, в этот вечер оставался в пролете, но, скорее всего, лишь до следующего раза...

***

*Я искал себя в прошлом и будущем,
Я засыпал и просыпался спящим,
Я ходил по затерянным улицам,
Но меня даже нет в настоящем.*

*Хотя, может, и где-то парю,
Не подчиняясь безумному ветру;
В другом измерении молча стою,
В глазах отражая радужный спектр.*

Или в виде чернеющей тучи?

Плююсь грозowymi ветками!

Разрывая громом могучим

Спящие нервные клетки.

Ну а может быть, в виде озера:

Спокойного, тихого, гладкого,

По которому никогда не елозила

Волна, как безобразная складка.

Или просто огромное дерево

В бесконечном осеннем лесу,

Теряющее листья растерянно,

Которых я уже не спасу...

«Что за гребаное нытье, блять? Опять какое-то унылое гавно!» – раздраженно подумал я, поджег клочок бумажки, на котором были написаны карандашом эти несколько строчек, и прикурил от пламени сигарету.

О да... это было оно, то самое утро после ночного куража. На секунду решил задуматься, сколько же я проспал? Час, два, три? Черта с два! Максимум, насколько мне удавалось отрубиться, так это пару раз минут по двадцать, и то только за счет действия огромного количества алкоголя в моем мозгу, который я, естественно, употреблял на голодный желу-

док. На секунду задумался, что если бы я был суицидником, то именно такой насыщенный букет давно завядших чувств я бы испытывал перед тем, как наложить на себя руки. Довольно сложно описать то состояние, которое приходит на «отходах» для тех, кто его не испытывал. Но я бы, наверное, назвал его самой неприкрытой, самой естественной ненавистью.

В момент прекращения действия фена ты начинаешь ненавидеть все пространство, что тебя окружает. Ты ненавидишь запахи, даже самые приятные в обычной жизни, на отходах они кажутся крайне резкими и противными. Ты ненавидишь любые звуки от шелеста листьев до пения птиц. В горло не лезет абсолютно никакая пища, хотя с последнего ее приема прошло уже больше суток, и желудок понимает, что пора чем-то подкрепиться, но ты не можешь. Ты не можешь абсолютно ничего, ведь за несколько часов до всего этого ты выплеснул в свой мозг такую дозу удовольствия в виде дофамина, серотонина и так далее, что его запасов банально теперь не хватает, чтобы поесть и ощутить вкус еды. И вот тут, казалось бы, сам организм дает тебе подсказку – нужно всего лишь... поспать!

«Поспать?! ПОСПАСТЬ, блять!?!» – в голос спрашиваю себя и начинаю в припадке колотить кулаком по подушке. На протяжении последних девяти часов я только и пробовал, что заставить себя уснуть.

Но это было нереально. Малейший звук или сквозняк воз-

буждали во мне такую ярость, что, заорав, я мог бы выбить стекла во всем доме, но... я тупо уткнулся в подушку, замоставшись в одеяло с ног до головы, и слушал отрывки какого-то тупого шоу, которое я включил по ящику, потому что в тишине мне просто хотелось вскрыться...

***

Не знаю, сколько часов я пробыл в таком «овощном» состоянии, но помню одно: в один прекрасный миг все мои мысли сконцентрировались на входной двери. Кто-то лихорадочно звонил в дверной звонок. Естественно, мамка это быть не могла (у нее имелся ключ), да и рано еще. Значит, кто-то пожаловал по мою душу. Неловко словил себя на мысли – может, это смерть наконец-то пожаловала, и в моем случае это был бы не самый худший вариант, но... вариант оказался действительно хуже. Снова Фитиль.

– О, здорово! Смотрю, постигаешь все прелести выходов?! – ехидно спросил он, хотя мне не удалось не отметить, что по сравнению со мной он выглядел как цветущая сакура, а я – просо, обильно поеденное тлей.

– Че хотел-то? Позлорадствовать пришел?

– Ну зачем же так-грубо-то? Сразу позлорадствовать? Мы же теперь напарники!

– В смысле напарники? – не сразу врубился я.

– Ну вообще-то сегодня суббота, если ты не забыл.

– И что теперь, у нас по субботам какой-то обряд делать

положено? – ехидно спросил я.

– По субботам у нас теперь работать положено! С вечера и до утра!

– Чего? Ты охуел? Ты меня видел? Какая к хуям работа?

– Мы теперь с тобой ответственные за проведение вечерних мероприятий в самом пафосном клубе «Муссон»! – официально заявил Фитиль, только фанфар не хватало.

– Не, братан, ты, конечно, извиняй, но тут без меня. Да и посмотри на меня! Какой из меня ведущий дискотеки, я еле языком ворочаю.

– Именно поэтому я и здесь, мой юный, несмышленный друг, – быстро проговорил он, разулся и двинулся в сторону кухни.

Тут он снял с плеч знакомый мне уже рюкзачок и извлек оттуда инсулиновый шприц.

– Ну, вот и доктор пожаловал, будьте так добры закатать локоток, – снова перешел он на деловой тон.

Если сказать, что меня передернуло, то это не сказать ничего. На мгновение на чашах весов встало то вчерашнее состояние блаженства и сегодняшняя абсолютная депрессия, в которой я, к сожалению, еще находился. Естественно, раздумье было недолгим, и я закатал рукав, пару раз качнул кулаком, и... ГОТОВО! Вот оно, то лекарство, которое было необходимо. Снова этот яблочно-фиалковый выхлоп изо рта на приходе, снова эти мурашки забегали по голове, и ты в сказке. Скурив по парочке сигарет на приходе, мы начали

собираться в клуб.

Я старался как можно быстрее убраться из дома, еще до прихода мамы, но, к сожалению, это не получилось. Она вошла в дверь, когда мы уже практически обувались.

– О, привет, мамуль! – вежливо поздоровался я и помог ей, взяв пакеты с продуктами.

– Здрасьте! – поздоровался Фитиль.

– Привет, ребят! Вы что, куда-то собрались? Там на улице слякоть такая, да и поздно уже!

– Да, мам, мы в клуб пойдем, – напряженно ответил я.

– Как это? Опять в клуб? Вчера же только там были, пить опять будете, вон до сих пор перегар в комнате стоит, и вся одежда табаком пропахла! – рассерженно сказала она.

– Да нормально все будет, мамуль, я обещаю! Нас там, может, работать оставят, – восторженно заявил я, но Фитиль этого восторга не разделил, прекрасно понимая волнения моей мамы.

– Этого еще не хватало – по ночам где-то шляться!

– Блин, ну мне же не пятнадцать лет, в конце концов.

– Теть Лен, все будет хорошо, я проконтролирую, обещаю, – сказал Фитиль и начал ускоряться, чтобы побыстрее ретироваться.

– Ладно, давайте, но учти, Николай, что я опять не усну, пока ты не явишься!

– Хорошо, мамуль, я буду аккуратно себя вести, не беспокойся, нас в конце всех на такси развозят, а внутри охрана

сидит, так что не переживай, прошу тебя.

Если бы не Фитиль, то я так бы и трепался с мамкой, пока меня не отпустило, но его этот диалог, по всей видимости, конкретно напрягал, может, чувствовал какую-то вину за собой, а может, просто торопился попасть в клуб.

***

Не хочу повторять все вышеописанное, что творилось в клубе, добавлю лишь, что пятница по сравнению с субботой была детским утренником. Народу в ночь на воскресенье являлось раза в два, а то и в три больше. Стройных девочек в мини-юбках и мини-платьях просто пожирала глазами стройные самцы с короткими прическами и упругими кожаными аксессуарами в брюках, и я сейчас не про члены. Бабки! Лавэ! Капуста! Как только ни называй эту волшебную бумагу, но на нее липли все! Как навязчивые насекомые в самый жаркий день к липкой ленте. За деньги ты можешь поздравить кого угодно через микрофон на весь клуб, естественно, не сам, за тебя это сделает ди-джей, но от твоего имени. Как раз в тот вечер мы с Никитосом, еще сверху фе-на накурившись гарика и шлифанув все это парой коктейлей водки с энергетиком, начали открывать в себе дар ведущих. Сначала для вида мы пару раз поздравили каких-то выдуманных персонажей, чтобы толпа заглотила приманку и поняла, что у нас есть такая функция. Но потом заказы посыпались, как из рога изобилия. Специально для этого я у офи-

циантов намутил себе блокнот, чтобы записывать туда поздравления, который впоследствии сыграет большую роль в моей жизни. Старался писать как можно короче, чтобы Фитиль мог все это зачитывать, потом он просто перестал разбираться в моем почерке или сделал вид, что не понимает написанного, после чего в дело пришлось вмешиваться мне. Какие эпитеты я только не использовал, поздравляя то именинников, то молодоженов, то вновь ставших отцами, матерями и бог еще знает кем. Народ был в восторге до тех пор, пока не случился конфуз.

Два изрядно подпитых быка не поделили очередь на поздравления. Все мои уговоры на них не действовали, каждый хотел быть впереди, и в итоге они устроили гладиаторские бои прямо в нашей каморке. Охране пришлось впрягаться, но после этого случая поздравления на вечер автоматически отменились. Но зато мой «ораторский» талант не обошел администрацию, и в скором времени заказные поздравления стали фишкой нашего клуба. Благо еще, что все деньги за заказы мы оставляли себе. Это было золотое дно!

4. Забытье

В тот период моя жизнь разделилась на две части. Это серые, унылые будни, проходящие в универе, изредка украшенные несколькими плюхами «гарика» и накуренной физиономией Колючего, с одной стороны, и волшебный мир клубной жизни – с другой, где воздух был пропитан запахами табака, дорогого алкоголя, парфюма, кофе и многого другого. Я жил от выходных до выходных. А будни в основном были посвящены изучению светового оборудования на форумах в интернете.

Когда Колючий узнал, что я устроился работать в клуб, то был искренне рад за меня и, конечно же, сразу поинтересовался, смогу ли я протащить его туда. Впоследствии мне часто приходилось проводить людей к нам, но я не испытывал от этого большого удовольствия, ведь это значило, что мне надо было нести ответственность за них и за их поведение. Но после нескольких случаев с пьяными приятелями, заблевавшими туалеты, я резко сократил число людей, которых проводил в клуб.

Тут, думаю, стоит упомянуть об отношении моей мамы к тому образу жизни, который я вел. Безусловно, я замечал, что она беспокоится. Да и сама она мне неоднократно об этом говорила, но я, чтобы не испытывать чувства вины, старался максимально проявлять заботу по отношению к ней.

Часто с утра после клуба на заработанные деньги я в пьяном угаре покупал ей большие букеты цветов и конфеты. Будучи еще достаточно молодым, я выполнял какие-то обязанности по дому, но, естественно, только после того, как на это внимание обращала мама. Я старался показывать ей, что стал уже самостоятельным. А если она начинала причитать, то с недовольством объяснял ей, что я уже не маленький и что сам хочу решать, чем мне заниматься дальше. Конечно, это была абсолютно неравная борьба житейского опыта и мудрости с маминой стороны против юношеского максимализма – с моей.

Вскоре наступила зима, и средой моего обитания стали обшарпанные подъезды с компанией друзей и ночной клуб. Между ними изредка мелькал университет. В нашей компании в разное время насчитывалось от пяти до двенадцати человек. Это была типичная для тех времен компания. Думаю, в каждом городе, каждом дворе были такие сообщества по интересам. А интересов обычно оказывалось немного: выпить, покурить, потрахаться. В общем, получение удовольствия от жизни самыми примитивными и наиболее известными человечеству способами.

***

– Здравствуйте, Петр Сергеевич, можно войти?

– О, какие люди пожаловали, проходи, Николай, присаживайся.

– Мне методистка сказала, что вы меня вызывали.

– Еще недели две назад, но ты, как я понимаю, объявился только сейчас.

Да, просто у мамы проблемы со здоровьем были, и мне пришлось отсутствовать какое-то время на занятиях, – жалобно произнес я.

Так в очередной раз начинался разговор с деканом, который снова вызвал меня для беседы по причине моих регулярных пропусков занятий и низкой успеваемости. Безусловно, я знал, что это рано или поздно случится, но каждый раз находил причину не появляться у него. В конце концов методистка связалась с моей мамой, и та закатила дома скандал, сказав, чтобы я на следующий же день пошел в деканат.

Петр Сергеевич стал деканом моего факультета незадолго до моего поступления, и мне он, честно говоря, нравился. Я уважал его, потому что он создавал образ современного управленца и преподавателя, в отличие от тех пропахших нафталином преподов, с которыми мне приходилось общаться на парах. Он носил строгий серый костюм, который безупречно сидел на нем и создавал образ энергичного и целеустремленного человека. Острые черты лица и пронизательный взгляд выдавали достаточно умного руководителя. И, честно говоря, мне не доставляло удовольствия постоянно врать ему, так как я понимал, что мой пиздеж он чувствует за версту, словно хищник, преследующий добычу, у кото-

рой открытое кровотечение.

– Странно, эту же причину называл твой боевой товарищ и тезка Николай Громов. Только в его случае заболел отец, – с сарказмом произнес Петр Сергеевич и продолжил: – В общем, ситуация у тебя непростая, Николай, и я надеюсь, ты в курсе, не так ли?

– Да, но я сейчас стараюсь максимально исправить ее.

– Сколько у тебя задолженностей?

– Три. По взаимозаменяемости, сопромату и термеху.

– А по моим данным – четыре. Еще по физкультуре. Или я ошибаюсь? – иронично спросил декан.

– Нет, Петр Сергеевич, не ошибаетесь. Я просто забыл про нее, к своему стыду.

– Хорошо, тогда ближе к делу. Скоро начнется летняя сессия, а потом будет практика. У тебя на сегодняшний момент четыре задолженности с прошлого семестра, и в институте ты появляешься реже, чем заочники. Как мы поступим с тобой?

– Я буду исправляться и гасить задолженности, – виновато произнес я.

– Звучит недостаточно убедительно с учетом того, что это уже не первый наш разговор на данную тему.

– На этот раз точно. Я обещаю вам!

– Хорошо. Сколько тебе надо времени, чтобы погасить все?

– Две недели, – поразмыслив, ответил я.

– Хорошо, через две недели я жду тебя в этом кабинете. Удачи.

В коридоре меня уже ждал Колян:

– Бля, че так долго? Я уже успел сходить купить бутылку и фольгу, а ты там все мозги ебешь! Че сказал-то хоть?

– Дал две недели, чтобы погасить задолженности, – ответил я.

– Мне тоже. Я к нему на прошлой неделе ходил. Всю кровь мне выпил. Но я не думаю, что нас вот так просто отчислят, им же бабки тоже нужны. Это если бы мы на «бюджетке» учились, тогда еще может быть, а так вряд ли.

– Такие, как мы, на «бюджетку» не попадают, – с иронией произнес я.

Разумеется, спустя две недели я не закрыл все долги по зимней сессии. За это время я смог сдать только один зачет. Думаю, довольно просто догадаться, какой. Естественно, это был зачет по физкультуре. К остальным зачетам и экзаменам я не был допущен по разным причинам. Где-то не сдал лабораторные, где-то курсовую, где-то контрольную и так далее. Но посещение декана все-таки дало мне кратковременный стимул для того, чтобы закрыть сессию. Эту ситуацию я в целом также рассматривал как некий квест, в котором декан сыграл свою роль – требовательного, но справедливого руководителя, а я свою – раскаивающегося студента, обещавшего взяться за ум. Задачу, поставленную Петром Сер-

геевичем, я смог выполнить только спустя месяц, когда уже начиналась летняя сессия.

Вообще мое положение в институте было обусловлено двумя стимулирующими факторами, которые заставляли меня хоть как-то грызть этот гранит науки, но я скорее даже не грыз его, а вяло лизал. Первым фактором была моя мама, которая постоянно пилила меня за учебу дома, а вторым – деканат во главе с Петром Сергеевичем со стороны института. Получается, что я как бы находился между молотом и наковальней, и лишь «Муссон» был моей настоящей отдушиной. Когда я становился за световой пульт, то чувствовал себя волшебником, который может при помощи магии создавать неповторимую атмосферу вокруг себя и дарить праздник окружающим. Конечно, световику в клубе не уделялось столько внимания, как тому же ди-джею, но я в этом и не нуждался, потому что был полностью поглощен процессом. Игра лазеров, стробоскопов, ультрафиолетовых ламп и остальных световых приборов окунала меня с головой в этот мир насыщенных, ярких цветов, приправленных дымом и сверкающих в такт музыке. Брызги световых красок будто разрезали мрачную действительность и на какое-то время заполняли ее собой. Порой мне казалось, что я даже могу осязать эти цвета и звуки, они будто вселялись в меня, и я мог вдыхать их и выдыхать обратно уже другие, более насыщенные. Даже спустя какое-то время после вечеринки у меня могли возникать яркие вспышки света перед глазами

и были заложены уши от нескольких киловатт звука.

***

– Че так долго? Где тебя носит? Ты время вообще видел?

– Успокойся, не кипишуй! Ты микс нашел, который я просил? Зарядил его? – поинтересовался у меня Фитиль.

– Да.

– Вот и отлично! За это будешь поощрен «Орденом мужества за заслуги перед Отечеством» и еще кое-чем, более приятным, – загадочно произнес он.

– Чем же?

– Всему свое время! Сходи лучше на кухню и замути нам чайник чая.

– У меня есть пара банок коктейлей.

– Просто сделай, что я тебя прошу, пожалуйста, – настаивал на своем Фитиль.

По его расширенным «болтам» и челюстям, яростно перемалывающим жвачку, я сразу понял, что он уделанный. Но вел себя он все равно необычно. Вместо тысячи бесконечных вопросов он как будто не хотел общаться со мной, такое чувство, что это обламывало его, и поэтому он попросил меня сходить за чаем.

Намутив чаю, я пришел в нашу «аппаратную», как мы между собой называли балкончик, и сел на стул, который стоял у стены. Никит налил себе чашку чая, потом отхлебнул из нее и стал что-то нащупывать в маленьком кармашке джинсов. Спустя какое-то время он достал спянную слюду

из-под пачки сигарет, в которой находилась таблетка белого цвета. Естественно, мне не надо было объяснять, что это такое, так как на ней был отчетливо виден рисунок в виде четырехлистного клевера. «Экстази» – «ешки», «ехи», колеса, покрышки – вот как называлась эта чудо-таблетка. Единственный вопрос, который я задал Никитосу, заключался в том, сколько мне проглотить:

– Целую или половину?

– Я целую хавал, – не отводя глаз от пульта, ответил он и добавил: – Вообще жопа.

– Это радует! – ответил я и закинул колесо в себя, запив его чаем.

То, что происходило дальше, описать словами практически невозможно. Создавалось ощущение, как будто внутри меня взорвалась ядерная бомба, начиненная обогащенной любовью. По моему телу начали гулять эйфорические волны, которые то приливали к самой голове, то спускались в грудь. Казалось, что внутри меня каждая клетка представляет собой совершенную единицу блаженства, и в совокупности они представляют собой абсолютный механизм любви. В тот момент я испытывал удовольствие абсолютно от всего, что меня окружало: музыки, света, запахов, посетителей, общения, чая. Даже Фитиль мне казался прекрасным, отзывчивым и щедрым человеком. Такое чувство, что я находился в какой-то среде, некоем эфире счастья, которой был невидим и неосязаем, но я мог ощутить его присутствие. Одним

словом, меня разрывало от эйфории. На пике действия наркотика дошло до того, что мне даже стало в напряг говорить, потому что я чувствовал, как это начинало меня обламывать, поэтому я просто встал за свой световой пульт и делал вид, что полностью поглощен работой, но через какое-то время появилась она...

– Здравствуйте, подскажите, пожалуйста, к кому я могу обратиться по поводу поздравления? – обратилась она к нам.

На какое-то мгновение мне показалось, что в нашу «аппаратную» залетела фея из детской сказки, нарисованная японскими аниматорами в стиле аниме. Она была одета в короткое белое платье с глубоким декольте, обтягивающее стройную, сексуальную фигурку. Каштановые длинные струящиеся волосы, спадающие на обнаженные плечи и спину. Огромные зеленые глаза сияли, словно два изумруда, от которых невозможно оторваться. Сочные губки, покрашенные алой помадой, которая была безупречно подобрана в цвет аккуратного маникюра. А ее парфюм! Я готов был дышать им вечно в тот момент, и мне даже на секунду показалось, что если я перестану чувствовать его, то немедленно начну задыхаться, как рыба, которую прибоем вынесло на берег.

Было видно, что она растеряна, так как Фитиль вообще проигнорировал ее появление ввиду того, что стоял в наушниках и подбирал очередной трек для сведения. Он часто так поступал, когда не хотел общаться с клиентами, делая вид, что погружен в работу. А я попросту был очарован, и если бы

не сушняк, который одолевал меня от «Экстази», то я бы залил всю аппаратуру слюнями от созерцания такой красоты.

– Здравствуйте, мадмуазель! – звонко поприветствовал я девушку и боковым зрением отметил, что Никитос судорожно перебирает папку с дисками, не обращая на нас абсолютно никакого внимания.

– Здравствуйте еще раз, подскажите, пожалуйста, как мне поздравить подругу с днем рождения и заказать для нее песню?

– Как зовут? – спросил я.

– Алена.

– Очень приятно. Николай, – сказал я и протянул девушке руку.

– Да нет же. Это подругу так зовут, а меня зовут Алиса, – рассмеявшись, сказала моя собеседница и пожала мне руку.

– Какое красивое и редкое имя.

– Спасибо.

В этот момент случилось в какой-то степени шокирующее и пугающее своей непредсказуемостью событие. Видимо, концентрация серотонина в крови у Фитиля достигла своего максимума, и он после того, как нашел нужный ему диск в папке, засунул его в проигрыватель и сделал то, на что вменяемый человек вряд ли бы отважился. Сначала он несколько секунд послушал и убедился, что нашел именно тот трек, который искал, потом задрал голову вверх, резким движением снял наушники и что есть мочи заорал в потолок.

Сказать, что я испытал недоумение, не сказать ничего. Ведь я пытался всеми силами скрыть даже малейшее проявление того, что находился под кайфом, а это животное, как мне показалось, в один миг развеяло все сомнения у нашей очаровательной посетительницы. Мне трудно предположить, кем он тогда себя возомнил. То ли самцом гориллы, который вот-вот намеревается спариться со своей самкой в разгар брачного периода, то ли драконом, который, пуская огонь из пасти, угрожает сжечь поселение крестьян, то ли еще кем-то... Естественно, никто в клубе не слышал этого рева из-за громкой музыки, кроме одного человека, но в тот момент мне показалось, что лучше бы это услышал весь клуб, чем Алиса. Понятно было одно: его прет как последнюю скотину, и мне надо было исправлять ситуацию.

– Здрассти, – улыбнувшись, сказал Фитиль Алисе и как ни в чем не бывало, надев наушники обратно, продолжил заниматься своим делом.

– Может быть, мне зайти позже, когда ему станет полегче? – иронично произнесла гостя.

– Нет... нет, что ты? Просто мой дружище немного перебрал с клиентами. Все же приходят, предлагают выпить, закусь, ну, сама, наверное, понимаешь, какая тут непростая работа.

– Понимаю. Ну так что там с поздравлением?

– Держи ручку, блокнот и пиши: как зовут, с чем поздравлять, от кого и так далее.

– На, держи, посмотри, все понятно? – Спустя некоторое время Алиса протянула мне блокнот с написанным поздравлением.

– Да, все понятно.

– Сколько я тебе должна?

– поинтересовалась девушка.

– Давай поступим так. Я выполню это поздравление бесплатно, но ты обещаешь зайти к нам после его объявления и выпить с нами в честь дня рождения твоей подруги.

– Договорились, – улыбнувшись, сказала Алиса и протянула мне руку для пожатия.

Когда она вышла, оставив за собой шлейф сладкого запаха духов, то я тут же отхлебнул коктейля из банки и закурил сигарету. Все последующее время у меня не выходили из головы эти пять букв: А, Л, И, С, А. Я подумал, что если в какой-то момент на нашей планете пропадут все языки, на которых говорили, говорят и будут говорить люди, и от всех языков останется только одно слово из этих пяти букв, то мне будет вполне достаточно, чтобы жить и радоваться с таким словарным запасом. Это имя как будто выгравировали тем вечером в моем сознании, и чтобы я ни делал, как бы ни пытался отвлечься, оно не выходило из моей «убитой» головы.

С нашего балкона мы могли наблюдать за всем, что происходит в клубе, как с маленькой сцены. И, естественно, на всю следующую ночь я сфокусировал свое внимание на одном

хрупком силуэте в потрясающем белом платье. Под светом ультрафиолета в этом платье она напоминала мне ослепительно яркую, белую жемчужину, которая была самым редким экземпляром среди себе подобных, своего рода мифом, и считалось, что ее можно найти только в самой глубокой части мирового океана. Жемчужину, за которой охотились все ювелиры мира во все времена, которая восхищала своей красотой и чистотой. И вот она здесь: в обычном клубе самого обычного провинциального городка грациозно танцует под самую обычную ротационную попсу. Все это кажется так необычно...

Я сделал все, как и обещал: поздравил ее подружку Алену с днем рождения и пожелал ей кучу всего, что обычно желают в таких случаях, без особого энтузиазма. Но, естественно, я не упустил случай упомянуть и Алису, одарив ее кучей оригинальных комплиментов в надежде, что она отметит мое усердие. И я не прогадал.

– Большое вам спасибо, ребят! Даже и не знаю, как вас отблагодарить? – сказала Алена, которая пришла к нам вместе с Алисой. – Вот вам коньячок, давайте выпьем за знакомство.

– О, конинка! Весьма недурно! – тут же оживился Фитиль, когда пришли девчонки, и добавил: – Да еще в такой классной компании! Меня, кстати, Никита зовут!

– Алиса!

– Алена!

– Очень приятно! Ну что, тогда за знакомство?

– Наливай! – предложила Алена.

Все последующее время девчонки провели у нас на балконе вплоть до окончания дискотеки. Мы весело общались и шутили. Потом еще пару раз поздравили именинницу. Я же в свою очередь не мог оторвать глаз от Алисы. Никак не мог понять, откуда у меня возникло такое непреодолимое влечение к ней. То ли таблетки с алкоголем так распирали, и мне казалось прекрасным все окружающее пространство, то ли эта девушка действительно была столь привлекательна? Особенно сильно меня начинало накрывать, когда нам приходилось говорить что-то друг другу, так как из-за громкой музыки для этого надо было наклоняться как можно ближе к уху, чтобы услышать собеседника. И когда Алиса наклонялась ко мне и что-то говорила, у меня по телу начинали бегать мурашки, а к голове приливали огромные волны необъяснимой природы. Как будто какой-то реактор, расположенный внутри груди, вырабатывал чистую энергию любви. Сложно описать это состояние, но могу точно сказать, что это было не просто сексуальное влечение, не просто животная похоть, нет. В те моменты мне хотелось как будто бы съесть ее – как самый вкусный и сладкий праздничный десерт. Мне хотелось выпить ее, словно бокал самого дорогого и изысканного вина, опустошить, впустить ее частичку в себя огромными глотками, чтобы она растворилась во мне и пьянила до конца жизни.

В конце концов они вызвали такси и под утро уехали домой. Но я не растерялся и взял номер телефона у Алисы, точнее, даже не взял, а хитрым способом раскрутил ее, так как напрямую спросить постеснялся. Я предложил вызвать им такси, а телефон для контакта с оператором попросил Алису записать на листочке из того самого блокнота для поздравлений, чтобы, когда подъедет машина, ей позвонили. Так ее номер оказался у меня в телефоне.

***

Утро. Начались «отходняки». Несмотря на все мои надежды относительно сна, он так и не пришел, учитывая даже, что после дискотеки мы с Фитилем и барменами изрядно накурились и бухнули. Они убеждали меня, что после колес нет такой лютой «депрессухи», как от амфетамина, но мне так не казалось. Еще несколько часов назад мир был похож на красочный мультфильм с яркими персонажами, а уже сейчас – на самую дешевую черно-белую рекламу средства от поноса, которая вызывала только отвращение. Все, о чем я на данный момент мечтал, – это только о сне. Я лежал в своей кровати и делал все возможное, чтобы уснуть. Но мысли кружились в голове, словно в центрифуге, которую невозможно остановить. Они, словно стая диких собак, раздирали мой мозг на части. Буквально за минуту в сознании могли побывать террористы, спортсмены, артисты, автомобили, насекомые, растения, шмотки, еда, секс, космос, нефть и так далее.

И ко всему этому я чувствовал только одно – ненависть. Так как все, что на данный момент окружало меня, мешало спать. Чувства вновь были обострены до предела. Малейший звук – ненависть, еле уловимый запах – ненависть, солнечный свет – ненависть. Но больше всех в тот момент я ненавидел Фитиля, который подогнал мне эту дрянь!

– Алло, братан, это Колян!

– Я понял! Че не спится? – с сарказмом поинтересовался Фитиль.

– Нет, мне надо срочно сняться! Кроет капитально, – жалобно произнес я.

– А есть бабки?

– Есть малехо!

– Ладно, приезжай ко мне! Что-нибудь придумаем, – сказал Фитиль и сбросил.

Я, взяв такси, приехал к Никитосу домой. У него в квартире происходило что-то наподобие «after party». Две девчонки и два пацана, не считая Фитиля, играли в карты и слушали музыку. В углу стоял «водный», через который они периодически курили «бошки». Не могу сказать, что мне нравилась эта компания, ведь в таком состоянии я не очень-то хотел, чтобы со мной разговаривали и задавали какие-то вопросы. Но, по крайней мере, я хоть как-то с их помощью мог отвлечься от своих мыслей.

Фитиль познакомил меня с ребятами, имена которых я даже не посчитал нужным запоминать, а потом пригласил

пройти с ним в ванную. Затем он закрылся на шпингалет и достал из-за туалетного бачка «инсулинку» с раствором.

– Давай бабки и закатывай рукав, – быстро проговорил он, подгоняя поршень с раствором к иголке, чтобы спустить воздух из шприца.

– Что это? Фен? – поинтересовался я.

– Нет, бля, глюкоза!

– А баян чистый хоть?

– Я с него делался один раз, и все, – честно признался он.

– Может, я схожу за новым?

– Нет времени, мы сейчас будем уходить. Скоро батя с работы придет.

– Бля, а ты не мог сказать, чтобы я по пути купил?

– Короче, забирай бабки и пиздуй, че ты мне мозги ебешь? – раздраженно ответил Фитиль, понимая, что он в очередной раз лоханулся.

– Ладно, не ори, хер с ним. Давай делай, – сказал я и закатал рукав, потому что не мог больше выносить это скотское состояние.

– А они знают? – спросил я, кивнув в сторону стены, за которой сидели парни с девчонками.

– Нет. Молчи, – коротко ответил он и сделал мне укол.

И вновь этот божественный приход. Снова жизнь стала насыщенной и прекрасной. Появилась энергия для общения с новой компанией, а самое главное – желание. Впоследствии ребята предложили мне еще курнуть, и я вновь обрел ту ис-

кусственную гармонию с окружающим миром. В квартире у Фитиля мы просидели еще не меньше часа, общаясь и играя в карты под негромкую музыку. Но я не стал напоминать ему о скором приходе отца и даже простил за все недавние обиды, так как в тот момент считал его своим спасителем.

Потом мы вышли на улицу и отправились в подъезд одного из домов в соседнем дворе пить пиво. Вскоре подтянулось еще несколько человек из нашей компании, которых я знал. Они принесли с собой коньяк и закуски. Те, кто не употреблял, стали быстро хмелеть, и в какой-то момент мне стало некомфортно находиться с ними. Начинался пьяный базар с элементами агрессии, и я решил покинуть этих прекрасных представителей «дворового бомонда». Так как время было еще раннее, то я не торопился домой, тем более что на улице стояла солнечная погода. Засунув руку в задний карман джинсов, я достал из него смятую бумажку, вырванную из блокнота, на которой было красиво выведено несколько цифр и коряво нацарапано моим почерком пять букв – АЛИСА.

– Привет, узнала?

– Привет, не совсем.

– Это Николай из «Муссона». Мы познакомились сегодня ночью в клубе, когда праздновали день рождения твоей подруги!

– А... теперь узнала. Привет, Коль. А откуда у тебя мой

телефон?

– Так ты же сама его оставила на бумажке, когда мы такси вызывали.

– Я так и знала, что кто-нибудь не упустит возможность, чтобы записать его, – иронично сказала она.

– Слушай, не хочешь встретиться погулять?

– Прости, не могу. Я сегодня со своим парнем отдыхаю, – с сожалением произнесла она.

– Извини, не думал, что у тебя есть молодой человек.

– Ничего, мне надо было еще в клубе признаться, когда ты меня так активно объявлял.

– Ему очень сильно повезло с такой прекрасной и очаровательной девушкой, хочется верить, что он ценит этот подарок, который предоставила ему судьба.

– Спасибо большое, мне очень приятно.

– Ладно, приглашаю тебя к нам в клуб, буду рад тебя видеть снова.

– Хорошо, как появится возможность, обязательно приду. Пока!

***

Черт побери! Оправдались мои худшие ожидания. У Алисы был парень, и это сильно обламывало. Думаю, самое худшее для пацана – услышать от девчонки, что у нее есть парень. Особенно после того, как потратил на нее несколько драгоценных минут, а иногда и часов своей жизни, чтобы

напрячь каждую извилину своего нетрезвого мозга и выдавить из него оригинальный комплимент. Ну что ж, раз уж не получилось взять эту крепость штурмом, и она оказалась гораздо неприступнее, чем предполагалось изначально, то надо переходить к плану Б и брать ее измором. Тем более, что удочку я уже закинул, и оставалось только ждать поклевки. План Б был абсолютно банален и прост. В тот момент, когда отношения Алисы и ее молодого человека будут подвергнуты серьезным испытаниям, на сцену выйду я и попытаюсь отвоевать ее себе. Подло, скажете вы? Возможно. Но так работают естественный отбор и банальная конкуренция, поэтому тут ничего не поделаешь.

– Мам, хватит постоянно меня контролировать!

– Я тебя не контролирую, а хочу, чтобы ты взялся за ум! Разве ты не видишь, что твоя жизнь катится под откос? В институте постоянные прогулы, неуспеваемость! Дома тебя не бывает сутками, по выходным ночами где-то пропадаешь, что с тобой происходит?

– Со мной все нормально! Я просто пытаюсь совместить работу и учебу, чтобы у меня были деньги, не просить же их вечно у тебя.

– Да, только вот с этой работой еще больше денег уходит на твою учебу! Мало того, что надо оплачивать каждый семестр, так еще и на зачеты и экзамены давать, которые ты не посещаешь. Неужели ты не понимаешь этого?

– Ладно, хватит причитать уже! Я был у декана, мы с ним

все обсудили, так что все хорошо, скоро практика будет, и к ней я уже почти допущен.

– Еще компания у тебя какая-то подозрительная. Никаких интересов, кроме выпивки и девок. А этот Никита вообще на наркомана похож, глаза постоянно бегают, что-то бурчит себе под нос, ничего не разобрать. Хоть бы спортом занялись или в театр, музей сходили, нет – как бомжи по подъездам околачиваетесь, вся одежда табаком пропитана, дышать нечем.

– Хорошо, я предложу сходить пацанам в театр или музей, чтобы ты успокоилась, договорились?

– Это не мне надо, а тебе в первую очередь, – разочарованно ответила мама и пошла собираться на работу.

– Хм... а ведь это отличная идея, – подумал я, – только перед посещением таких заведений необходимо как следует накуриться, чтобы, так сказать, прочувствовать глубину и атмосферу происходящего.

В воскресенье вечером я созвонился с Колючим, который, к слову, был уже к этому времени бухой в окружении каких-то «куропаток», как он сам выразался, и предложил ему на неделе пойти в местный краеведческий музей, естественно, вместо пар. От него в тот момент требовалось только одно: намотить нам курнуть. Колючий с энтузиазмом принял это предложение и сказал, что сделает все возможное, чтобы мероприятие состоялось. Заодно я предложил взять с нами однокурсника Илюху, исключительно с той целью, чтобы

меньше скидываться на «куреху». На что бухой Колян разоткровенничался, мол, не любит этого «говнаря», и окажись он сейчас под рукой, набил бы ему ебало. Я попытался донести до него, что это делается для нашего же блага, но он не особо-то, видимо, меня понял.

***

Наступила среда. Так как в понедельник и вторник мы с Колючим добросовестно посетили абсолютно все пары и даже ни разу не опоздали, то решили, что и так совершили маленький подвиг, и можно поощрить себя за это. А именно – уйти с третьей пары в среду, тем более, что первые две вел декан, а это требовало усиленной концентрации и внимания. Прихватив с собой Илюху, мы отправились в местный краеведческий музей. Высадившись на ближайшей остановке, свернули в какие-то гаражи и знатно закурили там гашиша. Подойдя к порогу здания, которое больше представляло собой какую-то старую деревянную заброшенную усадьбу с облезлыми, прогнившими стенами и местами сколотой облицовкой фундамента, мы выкурили по сигарете и как бы единогласно приняли решение попасть внутрь.

Скрипнула старая металлическая дверь, и мы вошли. Первое, что я ощутил, – это запах. Повеяло какой-то сыростью, как из подвала, вперемешку с затхлостью, чувствовалось, что время здесь остановилось ориентировочно где-то в шестидесятых-семидесятых годах двадцатого века, когда ма-

ленькие октябрята и юные пионеры регулярно посещали это место. В какой-то момент мне даже показалось, что я слышу их звонкие голоса и воображаю, как они снимают свои детские шерстяные пальтишки и шапочки-ушанки, чтобы неуклюже повесить их маленькими ручками на вешалки-крючки, часть из которых была отломана, по-видимому, еще как раз с тех самых пор, и это своего рода тоже являлось частью антуража, но очень завуалированной. Сначала мы попали в некий предбанник, который был переоборудован под гардероб. Его половину отгородили длинной, узкой белой столешницей, за которой висели те самые крючки для одежды.

Навстречу нам вышел пожилой человек и представился Леонидом Ивановичем. Сказал, что он является смотрителем музея, а по совместительству директором, уборщиком, гардеробщиком и еще бог знает кем. Предложил раздеться, быстро подняв столешницу и шмыгнув за нее, словно волшебник. Я сразу окрестил этого дедушку «Хранителем музея».

– Интересно, а много сюда народу приходит? – спросил Илюха, осматривая стены вокруг.

– Последние несколько лет мало. В основном это экскурсии начальных классов школы или встречи ветеранов по праздникам, – сказал Леонид Иванович, – а так еще раз в месяц здесь проходят партийные собрания нашего города.

– Какой партии?

– Коммунистической, – ответил дедушка.

– Мда уж... атмосфера вполне подходящая, – иронично подметил Колян.

Раздевшись, мы непосредственно попали в сам музей. И взору предстало все великолепие и многообразие нашего края. Вначале мне показалось, что это место может послужить отличными декорациями к фильмам ужасов или аттракционом в виде «Комнаты страха» в ночное время суток, так как мой взгляд упал на огромные, безобразные, облезлые чучела зверей, обитающих или, вернее, обитавших когда-то в наших краях. Первым представителем местной фауны был бурый медведь, стоящий на задних лапах, который, по всей видимости, был гордостью данного заведения, так как стоял на самом видном месте. Выцветшая от времени сальная шкура с проплешинами в некоторых местах, которую, очевидно, проела моль, вызывала больше жалости, нежели восхищение к этому некогда мощному и грозному зверю – повелителю леса. Практически тут же, рядом с ним, стояло чучело кабана, которое тоже выглядело весьма печально. Его открытая пасть с желтыми клыками, один из которых почему-то был отломан, будто бы издавала мольбу или крик о помощи, а не угрозу. Стекланный, мутный взгляд впитал в себя весь ужас последних секунд его жизни, казалось, он навсегда застыл в этом трагичном моменте. Глядя на эту парочку – медведя и кабана, – я почему-то испытал глубокое чувство разочарования и грусти, потому что представил себе, как некогда одни из самых грозных зверей, населяющих

наши края, возможно, пугающих местное население колхозов и совхозов, теперь собирают пыль на свои проеденные молью шкуры. Эта парочка представляла собой олицетворение целой эпохи. Они казались похожими на старых приятелей, которые в свое время были частью элиты в привычной для них среде, а теперь стали всего лишь жалким подобием, неудачной карикатурой на самих же себя. Так же, наверное, чувствовали себя многие советские граждане после падения Союза. Рассматривая эти чучела, я вдруг улыбнулся и не смог скрыть этого от своих приятелей. Так как представил двух персонажей в старой электричке, где слепой, грязный медведь ведет хромого кабана-поводыря на цепи и просит подать им на пропитание, а для пущего эффекта несет в другой лапе иконку Спасителя и благословляет всех подающих ему. И люди, сидящие в облезлом вагоне, с жалостью тянутся за мелочью в кошельки или виновато отводят глаза, когда эта парочка проходит мимо.

Заметив мою улыбку, Леонид Иванович проговорил:

– Это Михаил Михайлович Потапов и Георгий Георгиевич Кабанов, наша гордость и опора.

– Прямо как будто академики какие-то, – со смехом произнес Колян.

– Подайте бывшим академикам РАН на пропитание, во имя Иисуса Христа, не оставайтесь равнодушными, – с улыбкой произнес я, но, видимо, никто не понял, о чем идет речь, и шутка не удалась, а Леонид Иванович как-то подозритель-

но покосился на меня, и на секунду мне показалось, что он-то как раз и понял, о чем я сказал, но не нашел это забавным.

Напротив кабана и медведя на всю стену была сделана экспозиция птиц, населяющих нашу область, под каждой птицей была выцветшая желтая табличка с шрифтом, набитым еще вручную на старой печатной машинке, с тактико-техническими характеристиками пернатых. А на их фоне была разрисована стена с местами облупившейся краской, пейзаж представлял собой границу между степью и лесом. Глядя на чучела птиц, я тоже не испытывал особого восторга от их грации и изящества.

«Вот так и формируются детские травмы», – подумал я про себя.

Все это время Леонид Иванович с энтузиазмом рассказывал нам о представителях местной флоры и фауны, а мы с пацанами под воздействием дурмана шутили над всякими нелепыми фантазиями, которые озвучивали в процессе лекции. То представляли, как сложилась бы битва между глухарем и кабаном, то как медведь просит кукушку предсказать, сколько дней осталось ему жить, а когда кукушка молчит, начинает угрожать ей, и в этот момент звучит выстрел, после которого он и оказался здесь, то начали придумывать сценарий, по которому перепелка попала в романтический заплет с рябчиком, и по залету у них родился внебрачный сын – «перерябчик», и так далее.

Дальше мы попали в следующую комнату, и видно было,

что старик относится к ней с особым трепетом, так как, судя по всему, здесь и проходили те самые собрания коммунистической партии, словно подпольные сходки русских революционеров начала двадцатого века, на которые можно было попасть только с помощью пароля после рекомендации товарищей по партии. Казалось, что здесь была собрана вся история советской России. По стенам развешаны красные знамена с советской символикой, фотографии вождей и генеральных секретарей с их краткой биографией. На пьедестале стоял классический гипсовый бюст В. И. Ленина, а на полках и столах лежало большое количество мелких экспонатов от орденов и медалей до муляжей оружия и патронов к нему периода Великой Отечественной войны. В тот момент у меня почему-то возникло ощущение, что я попал в храм, только вместо религиозной атрибутики – икон, свечей и прочего – была выставлена советская, и казалось, что переговариваться здесь следует исключительно шепотом.

Старик начал рассказывать нам про каждый экспонат в отдельности, про его историю и судьбу. Например, показывая ржавую немецкую фляжку с дыркой, он пояснил, что она принадлежала фашистскому офицеру, которого подстрелил снайпер патроном насквозь через эту фляжку, или про орден Красной Звезды от истории его учреждения до биографии бойца, которому он был вручен. Находясь в этом музее и слушая рассказы старика, я ощутил себя в какой-то непривычной для себя атмосфере спокойствия и уюта.

– Вам, наверное, уже надоело каждый раз рассказывать одно и то же всем посетителям? – внезапно поинтересовался Илья у дедушки.

– Ну, если я вижу, что люди меня слушают, и им интересно, то мне нравится этим заниматься, а если нет, то даю минимум информации, потому что понимаю: в этом нет никакого смысла, и, переступив порог музея, они тут же забудут о нем.

– Вот бы наши преподы так же думали и поступали, а не забивали голову всякими заданиями, контрольными, рефератами, зачетами. Неинтересно тебе, ну на троечку в зачетку, и иди себе с миром, – начал жаловаться Колючий.

– Могу заверить вас, молодой человек, что большинство преподавателей так и поступают, когда видят подобное нежелание учиться у студентов, и требуют лишь минимальное количество знаний по их предмету, чтобы не портить себе репутацию в научной среде, – пояснил Леонид Иванович. – У меня есть несколько знакомых преподавателей, которые уже давно смирились с тем, что на их век вряд ли выпадет удача обучить будущих Ломоносовых или Менделеевых, поэтому они довольствуются уже тем, что студент хотя бы знает, как их зовут и название предмета, но, по их словам, некоторым студентам и этого кажется слишком много.

– Нет, ну имя, отчество и название предмета я всегда знаю, – начал оправдываться Колян, – и всегда, кстати, на всякий случай уточняю перед зачетом или экзаменом, чтобы

не попасть впросак.

– Это обнадеживает, – иронично подметил старик.

Все время, пока мы общались с Леонидом Ивановичем, меня не покидало чувство, что он как будто понимает все, о чем мы говорим, как будто видит нас насквозь, но не показывает этого, а в какой-то степени подыгрывает нам. Его глубокий, проницательный взгляд из-под густых седых бровей просвечивал, словно рентген. Казалось, он изучает нас, а когда мы покинем стены музея, он сядет за массивный дубовый стол и будет писать продолжение диссертации на тему «Современная молодежь. Жизнь в кредит. Взгляды и суждения общества тотального потребления». Я почему-то не сомневался: он определил, что мы накуренные, и в какой-то момент я испытал смущение и неловкость, и с чувством стыда мне захотелось покинуть этот музей. Как будто этот простой на первый взгляд старичок затронул своими рассказами что-то в глубине моей души, и это вызвало кратковременную реакцию, на секунду я задумался о своей жизни и последнем разговоре с мамой... Может, это и называется «совесть»?

– Парни, надо, наверное, собираться потихоньку, а то уже обед. Хочется есть, – сказал я своим приятелям.

– Могу вас угостить бутербродами с чаем, – предложил Леонид Иванович.

– Да нет, нам надо идти, а то еще дома к завтрашним занятиям готовиться, – поддержал меня Илюха, и я был ему благодарен.

– Ну, смотрите сами, если захотите, приходите еще. Буду рад вас видеть в любое время.

– Спасибо вам большое, – в один голос поблагодарили мы старика и спешно покинули музей.

Выйдя на улицу, молча закурили по сигарете и простояли так несколько минут, не проронив ни слова, каждый думал о чем-то своем. Видно было, что Леонид Иванович в каждом из нас оставил какой-то след, что-то неосязаемое, но очень важное, о чем можно было бы долго размышлять, но не сейчас.

– Блять, жрать-то как охота, – прервал тишину Колян, – я бы сейчас такого же кабана, как в том музее, сожрал.

– Такая же херня, – поддержал его Илюха.

– Ладно, пойдем еще по паре плюх дернем и поедем жрать, – предложил я.

Вечером дома я довольно отчитался маме о выполненном поручении, которое она давала по поводу музея. Но не увидел в ее глазах особой радости от этого события, особенно после того как сказал, с кем я туда ходил. О Колючем она знала со слов декана и методиста универа и считала, что наша с ним дружба не идет мне на пользу, а про Илюху слышала краем уха, но тоже не была от него в восторге.

– Лучше бы с девушкой какой сходил, – подвела итог моего красочного рассказа мама.

– Блин, тебе постоянно все не нравится, все тебя не устраивает.

– Просто я считаю, что от этого толку было бы больше, чем от твоих дружков.

– Все, не начинай, пожалуйста, – ответил я и пошел к себе в комнату.

Придя в комнату, я все же задумался над мамкиными словами, и в моей голове созрела идея пригласить Алису в этот музей. Конечно, это был не элитный ресторан, но по своей оригинальности идея мне показалась довольно привлекательной. Оставалось только красиво преподнести приглашение и надеяться, что она клюнет.

***

*Я возьму краски, я возьму кисти,
Нарисую деревья, на них черные листья.
Желтое небо, зеленые тучи...
Я нарисую, и мне станет лучше.
Бледно-синее солнце с кривыми лучами
Мрачно повисло над сухими ручьями,
А рядом с ним нарисую луну —
Она мягко упала на морскую волну,
И море окрасилось в оранжевый цвет.
В этом безумии прозрачного нет.
Воздух превратился в фиолетовый дым,
А запах цветов внезапно стал голубым.
Кроваво-красным дождем питаются лужи,*

*Они пятнами в белую землю погружены...
И вот сквозь бирюзовый туман
Тянется серых клякс караван.
Что теперь делать? Как все исправить?
Ну а в принципе можно и так все оставить.
Я в них подрисую лица людей,
Почти незаметных в картине моей.
Они ликами призраков застынут на месте
В моей маленькой психоделической пьесе...*

– Бля, дуешь! – закричал я от боли, которая начала растекаться по моей руке.

– Не ори, нормально все. Просто раствор такой жгучий, – сквозь зубы проговорил Фитиль, сжимая в них колпачок от шприца.

– Раньше такого не было!

– Согласен. Раньше такого кайфа не было, – с ухмылкой сказал он.

– А что это? – спросил я.

– Винт.

И тут я понял, что это действительно нечто другое, в отличие от того, что мы до этого употребляли. Внешне, конечно, приход был похож на амфетамин, но эффект гораздо ярче и глубже. Я сел на корточки, закрыл глаза и положил голову на локоть, чтобы ощутить в полной мере действие первитина. Глубокий вдох... выдох... вдох... выдох. У меня просто

сперло дыхание от такого мощного прихода. Единственным желанием на этот момент было, чтобы сохранялись абсолютная тишина и темнота в глазах, тогда я мог отчетливо ощутить всю прелесть этого вещества, каждый волос на голове как будто ожил и стал приятно шевелиться, словно густые водоросли на дне океана под воздействием теплого течения. Появилась необъяснимая легкость во всем, что меня окружало. Звуки, запахи, изображение – все казалось необычайно четким, а мысли стали настолько кристально чистыми, что не возникало абсолютно никакого труда их формулировать. Где-то через десять минут мы пришли в себя от прихода, закурили по сигарете и решили выбираться из «портала», который находился за гаражами.

– Где ты его достал? – поинтересовался я.

– С одним варщиком познакомился в соседнем районе.

– Я думал, что такие люди перевелись еще в девяностые.

– Да нет, хотя, конечно, их ряды сильно поредели с тех пор.

Куда пойдём? – поинтересовался Никитос.

– Мне, в общем, надо встретить Волка на вокзале, он сегодня из армии возвращается.

– Ну тогда погнали, я с тобой, а то мне все равно заняться нечем.

***

– Здорово, братан!!! – радостно воскликнул я и обнял друга. – Знакомься, это Никитос, Никитос, это Димон, – пред-

ставил я парней друг другу.

– Ну что, как добрался, дембель? – спросил я.

– Нормально, бухали всю ночь в поезде с пацанами, – сказал Димон.

– Да я чувствую.

– Ну что, поехали до меня, а потом бухать? – предложил он.

– Конечно!

Дмитрий Олегович Волков был, пожалуй, единственным человеком, с которым я общался после окончания школы. Первоначально, когда я познакомился с ним в начале десятого класса, наши отношения не складывались, так как мы оказались на разных полюсах тогдашних молодежных течений. Я был представителем неформальных движений, которые ориентировались на рок-музыку, панк, альтернативу и прочее. А он тяготел ближе к блатной романтике девяностых годов, посещал самодельную «качалочку», сделанную «старшаками», которая находилась в подвале его дома, ходил на секцию бокса, но не с целью стать спортсменом, а скорее для того, чтобы щемить ребяташек из младших классов, и потому, что считал это модным на тот момент среди молодежи. Надо сказать, что таких парней в нашем классе было несколько, и они составляли его костяк. На мое горе неформалов среди одноклассников было всего двое, и поэтому мы попали в немилость этим здоровым парням, кото-

рые, видимо, считали, что физическая сила может заменить им еще и мозг. Нас часто оскорбляли и унижали, придумывали какие-то обидные и подлые шутки, как, например, накрошить мела на стул, чтобы не заметили, налить в сменную обувь раствора с марганцовкой, написать в дневнике слово «ХУЙ» и так далее. В определенный момент из-за этих издевательств я перестал посещать школу и начал прогуливать ее с друзьями. Когда преподаватели обращали на это внимание моих родителей, то я объяснял ситуацию, получал нагоняй, и все продолжалось дальше. Но однажды мое терпение лопнуло, и я понял, что так дальше продолжаться не может. Среди какого-то урока к нам зашла медсестра из медпункта со списком фамилий учеников, которым надо было сделать прививки от туберкулеза. Среди других оказались моя и Димы Волкова, которого называли Волком. Мы пошли делать прививки, и он опять начал отпускать какие-то шуточки в мою сторону, я стал огрызаться, и так, слово за слово, мы сошлись в «смертельной схватке».

В тот раз победителя не выявилось, потому что нас растащили, и мы забились продолжать выяснять отношения после уроков. Но и тогда наш поединок не выявил победителя, так как мы просто упали в снег и возились там несколько минут, пока окружающей толпе не наскучило это печальное зрелище, и нас не разняли. Даже травмы, которые мы нанесли друг другу, говорили о том, что бойцы из нас были не самые выдающиеся. Я всего лишь один раз попал сопернику

в ухо, отчего оно немного посинело, а он немного повредил мне губу, которая впоследствии слегка опухла.

Но зато с тех пор мы прониклись друг к другу уважением и даже как-то сблизились, а надо мной в классе перестали стебаться. Вскоре мы с Волком стали самыми близкими людьми в пределах нашей школы. Даже часто встречались после уроков и гуляли вместе, бухали вино, жрали таблетки, курили шмаль, пытались склеить телочек и все в этом духе.

С виду Волк был довольно атлетического телосложения, высокий, с достаточно пропорциональным коренастым телом, как раз таким, на мой взгляд, какие нравятся девушкам. Голову украшала короткая спортивная стрижка, острый нос, густые черные брови. Носить он предпочитал спортивную одежду. Но больше всего, конечно, меня настораживал его взгляд. Серые глаза с прищуром смотрели на окружающую среду, и казалось, что от этого взгляда не укрывается ни одна деталь. Владелец этого взгляда как будто казался хладнокровным хищником, который постоянно находится в поисках жертвы. Порой мне казалось, что в глубине души Димон был очень жестоким человеком и даже где-то агрессивным. Безусловно, он был очень амбициозным и легко мог пренебречь какими-то общепринятыми нормами и правилами, если речь шла непосредственно о его интересах. Иногда я думал, что он мог бы стать довольно успешным политиком или бизнесменом, так как в нем присутствовали надменность и высокомерие по отношению к окружающим. Мне нравилось

с ним общаться, но при этом всегда надо было быть начеку, чтобы в общении не стать жертвой, которую он в мгновение ока может схватить, поэтому приходилось держать дистанцию и периодически сбивать с него корону, которая буквально в считанные секунды могла вырасти до небес. Но мне импонировала его жизненная позиция тем, что по крайней мере это было, по-моему, честно, в то время как почти все окружающие меня люди вопили о стремлении к лучшей жизни в стране, о детях, пенсионерах, предпринимателях и так далее, о том, что они якобы заботятся об интересах общества и поэтому всем необходимо бороться против всех. Против политиков, власти, олигархов, ментовского беспредела, коррупции и еще бог знает чего. Волк же не боролся против кого-то или чего-то, он боролся исключительно за себя, за свои шкурные интересы. Пускай это было нагло, пускай эгоистично с долей невежества, но по крайней мере я не видел в нем того лицемерия, которое присутствовало в остальных.

Сейчас же, когда он вернулся из армии в должности старшины, его эго не знало границ. Казалось, что сама Вселенная недостаточно бесконечна для того, чтобы вместить его в себя. Я, конечно, не без доли иронии наблюдал за ним, так как он всем видом показывал, что окружающие его люди недостойны и поцелуя его мизинца на стопе. Складывалось такое чувство, что он приехал не из обычной общевоинской части, где проходил военную службу по контракту, а с фронта в роли великого полководца, который внес решающий вклад

в бои на войне и тем самым одержал победу в ней. Казалось, что его мундир еще пахнет порохом, а на рукавах навсегда осталась запекшаяся кровь его погибших боевых товарищей, которых он ценой своей жизни пытался вынести с поля боя.

Если бы я не знал о его службе в рядах вооруженных сил, то, наверное, тоже купился бы на этот образ, но все было гораздо прозаичнее. Сначала он попал в какую-то лютую «учебку», где была самая жуткая в нашей стране дедовщина. Волк долго терпел и стойко переносил все тяготы и лишения военной службы, как и предполагал устав, но в какой-то момент не выдержал и решил покинуть расположение части. Вызвав такси, он просто-напросто приехал на нем домой за несколько сот километров. Мама была обескуражена таким поступком своего защитника, особенно после того, как заплатила приличную сумму таксисту, который сказал, что если не заплатит, то сдаст сыночка с потрохами в ближайшую комендатуру. Потом было служебное расследование, проверка прокуратуры и прочее. Но так как он вернулся в расположение части в течение трех суток, то на него не стали заводить уголовное дело, а обошлись лишь дисциплинарным взысканием. Зато с тех пор давление со стороны старослужащих на его персону резко снизилось. Стоит ли говорить, что было после того, как он сам стал «дедом». Димон обрушил на молодых всю мощь и всю ненависть, которые накопились в нем с того момента, как он надел на себя форму военнослужащего. Зная его по школе, какие он мог

придумать способы унижения личного достоинства и психологического насилия, я врагу бы не пожелал попасть служить под его руководством. Если бы в первой половине прошлого века он жил в нацистской Германии, то без труда бы сделал там выдающуюся карьеру. Потому что издеваться над людьми было его талантом.

—

Ну что, как тут наш городишко без меня поживал? Совсем прогнил небось? А людишки поди совсем от рук отбились? — иронично спросил Волк.

—

Да в принципе так же, как и с тобой, ничего не поменялось особо, — с сарказмом ответил я и добавил: — А ты, я смотрю, совсем не поменялся, все так же не любишь общество?

—

Да какое это общество? Ты посмотри на них, это же челядь сплошная, — весело сказал он, — то ли дело мы, аристократия!

—

Аха-ха!! Ты, как всегда, в своем репертуаре! Че делать собираешься?

—

Для начала обживусь немного, обвыкнусь, а там посмотрим, надо будет работу искать, с учебой что-то решать. В идеале, конечно бы, купить диплом шараги какой-нибудь.

— Ну ты, как обычно, хочешь, чтобы было все и ничего

при этом не было.

– А как иначе-то в наше время?

После встречи мы поехали отдыхать. Пить, курить и веселиться! Я раньше много рассказывал Фитилю о своем старом школьном приятеле Димоне, а Волку писал в армию про Никитоса, поэтому в принципе можно было сказать, что они уже были заочно знакомы. Иногда даже спрашивали друг о друге. С первых минут встречи они как-то сразу прониклись друг к другу. Что их объединяло, мне было абсолютно непонятно. С одной стороны Фитиль – хитрый, изворотливый и скользкий тип, похожий на ужа, а с другой Волк – презирающий все вокруг и не скрывающий этого, которого интересуют только собственные интересы. Я наблюдал за ними, хорошо зная каждого, и мне было интересно: чье же начало возьмет верх? Кто из них станет лидером? Потому что, безусловно, у каждого из них были такие качества, только выражались они по-разному.

– Ну а че? Может, придумаем что-нибудь повеселее? – предложил Волк и добавил: – А то надоела эта синька! Давай там курнуть, что ли, замутим?

– Можно попробовать придумать, – согласился я.

– Есть кое-что поинтереснее, – сказал Фитиль и полез к себе в рюкзак.

– Неужели это то, что я думаю?

– Именно, малыш! Мы с тобой сделали только по кубу,

а еще два осталось, так что я никого уговаривать не буду, просто предлагаю пока есть, – деловито произнес Фитиль, держа в руках шприц с раствором.

– Хуя себе вот это заплет! Вы че, бля, нарки, что ли? – с недоумением спросил изрядно подвыпивший Волк.

– Какие нарки? Так, бывает, расслабляемся иногда по праздникам! Тем более, что сегодня мы отмечаем твой дембель и наше знакомство, поэтому можно сказать, что сегодня два праздника в одном, – убедительно произнес Фитиль.

– Бля, ну я к этой хуйне отношусь с опасением. Знаешь, сколько пацанов на районе скосила эта дрянь?

– Ну я же тебе не герычем предлагаю вмазаться, от которого потом ломать будет или вообще можно копыта отбросить. Винт намного безопаснее в этом плане, короче, сам реши!

– Ну ладно, один разочек можно, тем более, что я в школе уже как-то пробовал вмазываться, только ни хера не понял тогда, – разоткровенничался пьяный Волк.

– Я помню, ты мне рассказывал как-то, когда вы со старшекласниками поехали на природу куда-то в лес, там набухались, и у кого-то был с собой какой-то порошок, и вы им вмазались, – вспомнил я.

– Ага, точно, – ответил Волк, пока Никитос его ставил.

– Бля, как же охуенно! Вот это вообще пушка термоядерная! В натуре по сравнению с этим говном синька вообще шляпа беспонтовая, – восхищенно сказал вмиг отрезвевший

Димон.

– Вот теперь можно и курнуть что-нибудь придумать, – с улыбкой произнес Фитиль и добавил, обращаясь к Волку: – Надеюсь, у тебя еще остались бабки.

С этого момента я понял, что началась серьезная игра. И что Фитиль, предлагая Волку употребить наркотик, подсаживал его не на само вещество, а на себя. Чтоб к нему после этого можно было вновь обратиться, чтобы он мог достать и испытать это ни с чем не сравнимое чувство собственной важности, ощутить свою значимость и поднять самооценку. Это озарение пришло ко мне внезапно, и в то мгновение я осознал, что и сам попался в эту ловушку Фитиля, ведь в последнее время проводил с ним все больше и больше времени, употребляя все чаще и все больше наркотиков. Не думаю, что Никитос делал это осознанно, скорее, это было похоже на некий поведенческий шаблон, который сформирован где-то в глубине подсознания и при помощи которого Фитиль поднимал самооценку. Конечно, я мог и ошибаться, и такие мысли могли быть плодом воображения моего пораженного первитином мозга. Но в одном я был уверен точно: в случае с Волком не будет так просто, как кажется Фитилю. И я не ошибся!

***

– Алиса, привет, это Коля из «Муссона»!

– Привет, я поняла, у меня же записан твой номер.

– Хотел поинтересоваться, как у тебя дела, и предложить кое-что.

– Дела хорошо, наркотики я не буду, – со смехом произнесла она.

– Да нет, наркотиков самому не хватает, – в ответ пошутил я, – мне бы хотелось пригласить тебя в музей.

– Ого, надо признаться, неожиданно. А куда именно?

– В наш краеведческий. Там, кстати, очень прикольно на самом деле, мы как-то ходили с парнями, мне понравилось.

– Ну хорошо, я подумаю, тогда, если что, наберу тебя.

– Договорились.

Наступили дни в режиме постоянного ожидания. За две недели после моего предложения посетить этот гребаный музей не было и дня, чтобы я не думал об Алисе и о том, когда же она согласится на это мероприятие. Мне так и хотелось позвонить ей и спросить, почему она так медлит с ответом, но я понимал, что не стоит торопить события, и надо выждать какое-то время, так как спешка может навредить всей аванюре.

По прошествии чуть более двух недель я решился написать ей смс и напомнить о себе. И вот на следующий день пришел ответ, на который я и рассчитывал. Она была согласна, но с одним условием, что с нами еще пойдет ее подруга. Та самая Алена, которая справляла свой день рождения

у нас в клубе. Конечно, эта новость добавила ложку дегтя в бочку меда, но я понимал, что в случае с Алисой сложно поступить по-другому. Ей надо было что-то объяснить своему парню: куда и с кем она идет. Не могла же она сказать, что собирается пойти в музей с другим пацаном, чтобы не вызывать чувство ревности в ее молодом человеке и самой не испытывать вину. А тут вроде можно сказать, что идет с подругой, и не упоминать, в свою очередь, про меня.

Настал ясный весенний апрельский субботний день. В воздухе уже чувствовался этот неповторимый запах весны. Повсюду было слышно звонкое пение прилетевших с юга птиц и стук капли, словно вступление перед весенней симфонией. И в этот день мы с Алисой и ее подругой должны были пойти в музей. Естественно, я подготовился заранее, предварительно созволившись с Леонидом Ивановичем и уточнив, будет ли он работать.

– Привет, девчонки!

– Привет! – в один голос поприветствовали меня Алиса и Алена.

– Ну что, вы готовы ознакомиться с нашим прекрасным краем в миниатюре?

– Давай, веди нас, мы готовы и с нетерпением хотим увидеть, что же там такого есть интересного? – саркастически сказала Алена.

– Ну тогда не будем тянуть время и отправимся в это увлекательное путешествие, только для начала мне надо переку-

ритель.

– Добрый день, молодые люди, – поприветствовал нас Леонид Иванович.

– Здравствуйте, знакомьтесь, девчонки, это Леонид Иванович, местный смотритель, а это Алена и Алиса, – представил я гостей старику.

– Очень приятно, милости прошу к нам в музей. Не часто в последнее время к нам заходят такие молодые и симпатичные девушки, тем более по выходным.

– Ну да, вот по предложению Николая решили познакомиться с нашим краем поближе. А то практически всю жизнь живу здесь и даже толком не знаю ни истории края, ни его флоры и фауны, – смущенно призналась Алиса.

– Вы сказали практически, то есть вы не с рождения здесь живете? – спросил старик.

– Нет, я переехала сюда с родителями, когда мне было шесть лет, из Прибалтики. Моему отцу предложили здесь работу.

– Бывал я там неоднократно еще во времена Союза, ездил отдыхать по путевкам в санатории. Хорошие времена были, хочу я вам сказать. Я почему-то сразу подумал, что вы не из здешних краев.

– Почему же?

– На этот вопрос я ответить, к сожалению, не могу, просто интуиция подсказала. А вот ваша подруга Алена наверняка родом отсюда, правильно?

– Да, точно, – согласилась Алена.

– Как вы это делаете? – недоуменно спросил я.

– Сам не знаю, наверное, с жизненным опытом приходят такие суперспособности, – со смехом произнес Леонид Иванович и добавил: – Но сегодня у вас компания куда более располагающая, чем в прошлый раз.

После того как мы вошли внутрь, я рассчитывал испытать то же самое впечатление от музея, как в первое наше посещение. Думал, что девчонки тоже испытают нечто подобное и будут с интересом рассматривать всех этих чучел: зверей, птиц, насекомых и прочих. Еще я думал, что Леонид Иванович так же самозабвенно будет рассказывать про всех этих животных и про растения, которые населяют эти края. Но на этот раз волшебства и магии не произошло. Судя по всему, причиной этому было отсутствие в моем организме волшебного зелья, как в первое посещение. Не было никаких академиков Михаила Михайловича и Георгия Георгиевича, побиравшихся в электричке, никаких битв между кабаном и глухарем, предсказаний от кукушки и так далее. Сейчас весь этот музей больше походил на свалку всякого хлама, который сгрузили сюда за ненадобностью. А затхлый запах вперемешку с пылью придавал этому месту еще большее отвращение. В помещении, где раньше я представлял себе подпольную сходку революционеров, теперь просто проходили регулярные собрания старперов, которые под конец жизни не знали, чем бы себя занять, и такие собрания были для них

альтернативой дому престарелых.

Девчонки же, судя по всему, тоже не испытывали восторга от этого места. Я наблюдал всю эту картину, и мне хотелось провалиться под землю. Я не верил в то, что мог так облажаться. Неужели наркотики настолько сильно исказили действительность в тот момент? Или, может, наоборот – ее исказила эта серая, сухая и отвратительная трезвость? Пока я проклинал себя за этот «наитупейший» поступок, случилось нечто неожиданное.

– Смотри, Алис! Тут наградной листок к присвоению ордена «Красное знамя» какому-то офицеру с такой же фамилией, как у тебя, может, родственник твой? – спросила Алена, внимательно разглядывая документ под стеклом.

– Наверяд ли, у меня не такая уж и редкая фамилия, – ответила Алиса.

– Согласна, но тут офицера этого зовут так же, как и твоего отца, а ты, по-моему, как-то говорила, что его назвали в честь деда.

– Да, так и есть, ну-ка подвинься, дай посмотреть! Петр Алексеевич Рогов – гвардии старший лейтенант! Неужели это может быть мой прадед? – с недоумением спросила Алиса.

– Почему бы и нет. В этом мире все возможно, – поддержал ее Леонид Иванович.

– Постой, а как зовут твоего отца? – изумленно спросил я.

– Петр Сергеевич, а что?

И после этих слов я захотел попросту аннигилировать в этот самый момент. Ну конечно! Как же я сразу не догадался, после того ответа на вопрос от Леонида Ивановича, когда он спросил ее про малую родину! Декан! Ее отцом был ебаный декан моего ебаного вуза. Приехал из Прибалтики в середине девяностых, чтобы преподавать на кафедре. Его фото с частичной биографией висело на Доске почета при входе на факультет, и я неоднократно разглядывал ее от скуки, когда в очередной раз ждал своей очереди, чтобы попасть на прием к ее папаше и отхватить от него пиздюлей за свою неуспеваемость.

– Петр Сергеевич Рогов? Декан технологического факультета? – поинтересовался я.

– Да, а ты откуда его знаешь? – удивленно спросила Алиса.

– Ну я, как бы тебе сказать... В общем, учусь у него.

– «Как бы» – звучит подозрительно, – со смехом произнесла она.

– В том-то и дело.

– Неожиданно, конечно, все это.

– Это точно.

– Слушай, если это действительно листок моего прадеда, то мой отец будет просто счастлив, когда узнает об этом. Потому что он уже несколько лет ищет информацию о нем и

пока что безуспешно. Все, что сегодня известно, – то, что он пропал без вести после того, как ушел на фронт в начале 1942 года и не вернулся с войны.

– Рад, что тебе так повезло сегодня, – сказал я.

– И это все благодаря тебе! Если бы ты не пригласил нас, то этого не случилось бы! Спасибо огромное!

– Да не за что, все к вашим услугам, сударыни.

– Надо будет замолвить за тебя словечко отцу, чтобы по-лояльнее к тебе относился.

– Куда уж лояльнее, – иронично подметил я.

– Ну я, по крайней мере, сомневаюсь, что кто-то еще из его студентов ходит по музеям, – с легкой ухмылкой произнесла она и подмигнула мне.

– Да нет. Есть еще парочка.

***

– Слушай, Коль, а ты знаешь такого Илью Лобанова? – спросила мама.

– Ну конечно, знаю, мы вообще-то с ним в одной группе учимся, а что?

– Я сегодня ходила в больницу, где познакомилась с одной женщиной в очереди на прием, и мы с ней так душевно разговорились. А когда речь зашла о детях, то выяснилось, что ее сын учится в том же самом университете, что и ты.

– Ты себя плохо чувствовала?

– Да что-то грудь в последнее время болит, вот и решила к врачу сходить, пока возможность выпала.

– М-да уж... вечно ты каким-то чудом находишь людей, имеющих ко мне непосредственное отношение. У тебя на них нюх прямо, – с сарказмом произнес я.

– Нет. Просто такая милая женщина и довольно общительная, кстати.

– Не сомневаюсь. И о чем же вы с ней говорили? Небось плакались друг другу про нас?

– Ну почему сразу плакались? Делились своими переживаниями, – ответила она и добавила: – Мы же все-таки сильно беспокоимся за вас.

– Опять ты за свое!?! Мы уже взрослые и сами можем о себе позаботиться! Как вы этого не понимаете?! А вы просто не можете с этим смириться и хотите, чтобы мы оставались детьми, но пора уже понять, что мы выросли!

– Да мы видим, как вы выросли! Никакой ответственности! Что у тебя, что у него ситуации абсолютно аналогичные! – дрожащим голосом и со слезами произнесла мама.

– Ну ладно, не расстраивайся, прости. Я погорячился. Что там она про Илюху рассказывала? – попытался я успокоить маму.

– Переживает она за него сильно. Говорит, что какой-то замкнутый стал, необщительный. С учебой постоянные проблемы, дома практически не появляется, а если появляется, то постоянно виснет за компьютером со стеклянным взгля-

дом.

«Меньше спайс долбить надо», – подумал я.

– Подозревала, что он употребляет какие-то наркотики, купила тест, но он ничего не показал. В общем, она не понимает, что с ним происходит, – закончила мама. Может, ты с ним поговоришь?

«Ну точно спайс. И тест его как раз не показывает»

– Ну я-то нормально с тобой общаюсь, видишь? – снова попытался я успокоить маму. – И, кстати, недавно с девушкой ходил в музей, как ты и советовала! Так что не все так плохо!

– Да? Ну наконец-то! И что за девушка? – с интересом спросила мама.

Я вкратце рассказал ей о нашем посещении музея с Алисой, правда, не упомянул, что еще была ее подружка Алена, дабы не портить эффект от моего подвига. Рассказал про наградной листок, по всей видимости, принадлежавший ее прадеду, который мог оказаться дедом моему декану, а тот в свою очередь оказался отцом Алисы. В общем, вся эта история произвела ожидаемое впечатление, и мама сменила гнев на милость. В ее голосе появилась какая-то надежда на мое исправление, особенно после того, как она узнала о родстве Алисы и моего декана. Она сказала, что, может, это событие наконец-то поспособствует тому, что я возьмусь за ум и стану более ответственно подходить к учебе и к своей жизни в целом.

***

– Ну и что ты собираешься делать после окончания своей шараги? – с сарказмом поинтересовался у меня Волк, прикуривая сигарету.

– Не знаю, если честно.

– На завод пойдешь вкалывать?

– Куда угодно, только не туда! Вообще я хотел бы каким-нибудь творчеством заниматься. Правда, не знаю, каким, может, тексты там писать с музыкой... типа рэпа или электронной.

– Ты все стишки свои надеешься пристроить куда-нибудь? Я думал, что после школы у тебя пропадет из головы эта блажь! Да и посмотри вокруг, этих рэперов с ди-джеями развелось как грязи, – сказал Волк и рассмеялся.

– Ну не знаю, может, сценарии какие-нибудь прикольные писать для фильмов или статьи в газеты. Еще мне в клубе очень нравится светом заниматься, меня прямо цепляет от этого. Если бы руководство прислушивалось к моим предложениям и выделяло деньги на развитие, то вообще было бы шикарно, – поделился я.

– Как-то это все несерьезно.

– Ох йопта, нашелся серьезный, блять, бизнесмен! Ты-то сам чем заниматься будешь после своей армейки? В охранники пойдешь или водилой куда-нибудь в таксопарк? – с сарказмом подколот я его.

– Ну есть у меня кое-какие идейки на этот счет, но точно не в клоуны из шапито нашего шоу-бизнеса, – парировал Волк.

– И какие же?

– Братан, надо бабки поднимать! И поднимать обязательно по-крупному! А крупные и, самое главное, быстрые бабки водятся только там, где есть опасность быть схваченным нашими доблестными органами правопорядка! Нужно обязательно действовать за гранью закона, но так, чтобы не могли подкопаться, даже зная, что ты их наебываешь!

– Опять у тебя на уме только бабки. Сколько себя помню, ты постоянно о них думаешь.

– А ты считаешь, что кому-то нужен в этом мире без бабок? Что кому-то интересно твое вшивое творчество, если из него нельзя извлечь прибыль? Сам подумай. Или неужели ты думаешь, что кто-то будет публиковать твои стишки только из симпатии к тебе?

– Ну, можно это делать просто для себя тогда, – начал было оправдываться я.

– Ага, для себя! И вкалывая при этом на заводе за гроши. А как ты без бабок собираешься кадрить свою Алису, о которой ты мне рассказывал? Или, может, ты еще расскажешь мне, что ее не интересуется лавэ?

– Ну если бы ее интересовало только лавэ, то она не пошла бы со мной в музей, а предпочла ему какой-нибудь дорогой ресторан!

– Аха-ха... ты, конечно, тоже додумался – предложить телке пойти в музей. Да если бы не та счастливая случайность с ее прадедом, то она удалила бы твой номер, как только бы вы оттуда вышли. Или, может, я не прав? Попробуй тогда предложить ей как-нибудь просто погулять по улице, подышать свежим воздухом, так сказать, как в детстве. Братан, пора взростеть! Пойми, Деда Мороза уже не существует, а твоя Алиса – не Снегурочка из доброй сказки. Все люди ведутся на бабки, просто кто-то больше, а кто-то меньше, – со злорадством проговорил он.

– И что же ты предлагаешь? Неужели, пока ты служил, у тебя созрел какой-то супер бизнес-план в голове? Что ты собрался делать, нарушая закон: барыжить наркотой или толкать оружие, а может, хочешь стать элитным сутенером?

– Нет, Колян, это все очень примитивно. Да и государство научилось уже неплохо бороться со всем этим, в отличие от девяностых годов, поэтому здесь есть большой риск втухнуть за решетку. Надо мутить что-то новое. В идеале это не должно быть каким-то товаром, что-то неосязаемое, что очень трудно поддается измерению и с чем тебя не могут принять. Больше всего подходят какие-нибудь услуги. Кредитование, например, всяких бомжей или алкашей. В идеале – у которых есть какое-то имущество, особенно выгодно проводить сделки с недвижимостью, если таковая имеется. Оформлять на них подставные фирмы-однодневки для отмывания бабок, махинации со страховками и так далее.

– Ты типа в черные риелторы решил податься, что ли? – пошутил я.

– Такой вариант тоже рассматривается. А наркоту пускай твой Фитиль бегаёт по дворам толкает. А если он ещё и будет злоупотреблять своим товаром, то сам скоро пополнит ряды моих будущих клиентов, – со смехом произнес Волк и добавил: – Кстати, может, наберёшь его, возьмем что-нибудь нюхнуть?

– Ща, попозже чуть-чуть! Ну а как ты собираешься всем этим заниматься? Это же нужны деньги для начала? Сам же говоришь, что без бабок можно только на завод устроиться.

– Не обязательно! Есть ещё такое понятие, как связи. А связи, как говорится, решают все. И есть один человек, который может нам помочь!

– Нам? Я пока ещё ни на что не подписывался, – осек я его.

– Ну ладно. Хорошо. Помнишь Егорку из параллельного «В» класса?

– Это который постоянно накуренный в школу гонял? У него ещё батя какой-то там авторитет был в девяностых? «Прицеп», что ли, у него погоняло было?

– Да! Именно он! Бинго! – заплодировал Димон.

– И в чем же он может помочь тебе?

– По-любому у него есть выход на нужных людей. Ну что, ты со мной? Братан, пора покорять этот Олимп, а то вместо нас его покорит кто-то другой!

– Не знаю, что-то я стараюсь как-то лезть во все эти движения, – признался я.

– Да не ссы ты, все будет ровно! Вот увидишь. А теперь звони этому своему Никитке.

***

Наступило долгожданное лето! И на улицах города снова появился человек-комар. Его главной суперспособностью была назойливость. И этим сверхнавыком он доводил преступность до нервного тика. Алкоголики, торчки, проститутки стали бояться его как огня. Лишь только заслышав его писк, все сразу пытались скрыться в неизвестном направлении, лишь бы только он снова не начал причитать о морали и нравственности, которой необходимо придерживаться в обществе. Своим мерзким писклявым голосом он рассказывал о совести, которую необходимо слушать и жить по ней. Единицы могли выдержать эти проповеди больше десяти минут. И это обычно продолжалось до тех пор, пока кто-нибудь из алкоголиков или торчков не дал бы ему отпить своей крови, чтобы его нахлобучило в хлам, или какая-то из проституток просто не дала бы ему, чтобы он наконец отъебался. Самое удивительное было то, что только эти два способа могли реально избавить городок хоть на какое-то время от данного персонажа. Что только не пробовали делать с ним местные обитатели уличной богемы: и пиздили его, и слали нахуй, и угрожали расправой, ему все было нипочем. Вот это я пони-

маю супергерой! И сколько таких персонажей расселилось по городам нашей необъятной родины, оставалось только догадываться.

***

Как-то раз, сидя на лавочке во дворе и дожидаясь Фитиля с очередного замута, я повстречал Алису, которая шла под ручку со своим парнем. Проходя мимо, она улыбнулась мне и поздоровалась, но не стала останавливаться и вести со мной диалог. Оно и понятно, почему. Я в свою очередь сделал то же самое, а потом закурил сигарету и начал изучать внешность своего прямого конкурента, глядя ему в спину. Это был достаточно крупный молодой человек, подтянутый, спортивного телосложения, с модной модельной стрижкой. В общем, надо признаться, что внешность у него была гораздо привлекательнее моей. От этого я испытал разочарование и зависть, потому что в таком случае мне приходилось ставить упор на свои внутренние характеристики для того, чтобы расположить Алису к себе, а это было сделать гораздо сложнее, чем с красивой внешностью. Но ничего, наоборот, мне становилась интересна эта игра, к тому же любопытно было проверить на своем опыте то, о чем многие говорят, а именно что внешность – это не главное.

После того как они зашли за угол дома, в тот же момент из-за него вырвался упоротый Фитиль и быстрым шагом на-

правился в мою сторону.

– Знаешь, кого я сейчас видел? – спросил он, указывая в сторону угла дома.

– Дай угадаю, наверное, Алису, нет? – с сарказмом произнес я.

– Ага, со своим пацаном! Не маленький такой бычок. Сразу видно, спортсмен, по ходу, не то что мы с тобой, торчки законченные.

– Ладно, не исполняй. Говори лучше за себя, торчок.

– Ага, нормально тебя так подкинуло после встречи с нами, я гляжу. Может, все-таки я сам тогда себе сделаю? А ты пойдешь там в спортзал потренируешься, нет? Я же все-таки торчок, что тебе со мной ловить? – начал язвить Фитиль.

– Хорошо, тогда верни мне мои бабки, которые я зарядил тебе, и я пойду в спортзал, а ты тусуйся здесь, – парировал я.

– Ладно... ладно, не пыжи, – начал врубать заднюю Никитос, – я же прикалываюсь. Просто хотел проверить твою реакцию, насколько ты серьезно настроен в отношении нее, так сказать. Погнали в аптеку лучше за инструментами. Барыга сказал, что порох – бомба.

– Сейчас Волка дождемся и пойдем, – ответил я.

– Ты не говорил, что еще и он будет. Я рассчитывал, что мы вдвоем приколемся, а потом погуляем вместе.

–

А ты и не спрашивал.

– Слушай, пока он не пришел, у меня к тебе разговор

есть... Даже не разговор, а деловое предложение. В общем, помнишь того барыгу Тему, который нам трубу давал? Короче, он предложил мне взять на релиз пороха и спайса. По двадцать грамм для начала, чтобы проверить, смогу ли я заниматься этим. Ему с этого тридцать штук, а нам все остальное.

– Ты гонишь, что ли? В барыги решил податься? Знаешь, сколько сейчас дают за это?

– Да не очкуй ты! С ментами там все решено. Думаешь, он сам бы стал без крыши работать? Я у него все эти моменты уточнял!

– А блатные? С ними тоже все схвачено?

– Естественно! Ты думаешь от кого он работает? Они его сами и подтянули для этой работы.

– Не знаю. Мне кажется, что это очень херовая затея, братан! Слышал такое выражение: «Барыги долго не живут»?

– Да хорош тебе! Это просто долбоебы, которые нормально банчить не умеют, и придумали такие страшилки! Вон люди десятками лет кайф сбывают и ничего, нормально себя чувствуют. Тем более мы, как только бабла поднимем, сразу соскочим с этой темы.

– Ну а как ты продавать собираешься? У тебя что, уже есть клиенты? Это же надо как-то и где-то людей находить. Не объявление же в газете давать.

– Все давно продумано уже. Сначала даем клиентам небольшое количество на пробу в качестве угощения, а по-

том, когда люди начинают обращаться за помощью к нам, делаем вид, что просто берем у выдуманного барыги, чтобы нас самих не подозревали, – деловым тоном ответил Никитос.

– А где их искать-то, клиентов этих?

– Слушай, ну ты в натуре тугодум! А с виду вроде неплохо соображаешь, ты что, забыл, где мы с тобой работаем?

– Ты совсем ебнулся в край, что ли? Продавать наркоту там же, где и работаешь?! Пиздец ты гений просто! Уже к середине ночи руководство клуба будет знать, чем ты там занимаешься! – с недоумением проговорил я.

– Еще раз тебе повторяю, мы не будем там продавать кайф! Там мы будем просто угощать людей, так же, как нас угощают, чтобы они думали, будто у нас есть ход на порошок, и потом обращались к нам за помощью, чтобы приобрести его.

– Как-то все это неубедительно звучит, – с сомнением сказал я.

– Короче, думай сам! Я тебе предложил поднять нормальные бабки, чтобы ты мог свою Алису хоть в кафешку сводить, а не в сраный музей, оригинал хуев, – со злорадством произнес Фитиль.

– Где-то это я уже слышал, – задумчиво проговорил я.

– Ладно, все, молчим. Вон Волк твой идет. Пошли в аптечку.

Лето – мое самое любимое время года. Но только не когда у тебя три задолженности с последней сессии, учебная практика на предприятии и работа по ночам в клубе. Ну если по учебе я финишировал к концу учебного года со вполне стандартными результатами, и меня это не особо заботило, то работа в клубе летом не сильно радовала. Во-первых, очень маленькое количество посетителей, так как все предпочитают летом отдыхать на природе за городом, во-вторых, руководство клуба, по всей видимости, начало беспокоиться о том, что мы с Фитилем постоянно находимся, мягко говоря, не в самом трезвом состоянии. И уже несколько раз администратор высказывала нам недовольство тем, что мы злоупотребляем на работе алкоголем. Естественно, об остальных наших предпочтениях, связанных с другими веществами, она даже не догадывалась, иначе нас бы давно уже вышвырнули из «Муссона» как блохастых псов. А в-третьих, резко сократились наши доходы от заказов и поздравлений.

Никита Фитилев и Дмитрий Волков начали заниматься своими крайне сомнительными предприятиями. Димон тактично состыковался с нашим общим знакомым Егором, а тот в свою очередь смог организовать для него аудиенцию с воротилами криминального мира нашего городка, которые и подтянули его к себе. Конечно, по сравнению с девяностыми воровская среда в нашем городе имела куда менее широ-

кий размах, но, тем не менее, нажиться для начала можно было. В основном промышляла вся эта братия мелкими мошенническими схемами типа автоподстав или телефонных звонков с целью помочь якобы попавшим в беду родственникам жертвы. Также держали нелегальных таксистов, мигрантов, проституток и, конечно же, наркобизнес. Естественно, все это происходило под чутким руководством органов внутренних дел и других силовых структур. Волк попал в сферу, связанную с учреждением фирм-однодневок на подставных лиц с целью отмывания бабла через подобные организации. В его обязанности входил поиск потенциальных учредителей и курирование их, а именно – подписание различного рода документов (накладных, приказов, распоряжений и прочих), когда это необходимо. У Фитиля же работа была гораздо прозаичнее и примитивнее. Она не предполагала ведения никакой отчетной документации и постоянного поиска потенциальных жертв. После одной такой встречи с клиентами впоследствии они сами с особым рвением пытались найти Никиту, чтобы приобрести у него кайф, а точнее, с его помощью, как они думали. В общем, Фитиль стал обычным барыгой. Но предпочитал называть себя «наркодилер». Я, в свою очередь, не хотел влезать во все эти мутные движения, потому что в первую очередь мечтал построить романтические отношения с Алисой, но еще больше я переживал, что моя мама попросту не переживет, если узнает, что я занимаюсь подобного рода делами, так как она все-таки рассчиты-

вала на то, что я в конце концов закончу университет и стану квалифицированным специалистом.

Периодически я поддерживал связь с Алисой, и она даже пару раз приходила к нам в клуб. Правда, в компании своего парня и ее подруги Алены. Чем чаще я видел Алису, тем большее влечение у меня появлялось к ней. Все-таки при первой нашей встрече «Экстази» не играли ключевую роль, хотя и сильно стимулировали мое стремление овладеть этой очаровательной девушкой. К тому же я испытывал спортивный интерес, так как мне приходилось конкурировать с довольно сильным оппонентом, на мой взгляд, коим являлся ее парень. Единственным козырем было то, что он не догадывался о моем существовании. В общем, все шло своим чередом, и моя жизнь развивалась довольно предсказуемо вплоть до определенных событий.

***

– Сынок, подойди, пожалуйста, сюда. Присядь, мне нужно с тобой поговорить, – позвала мама.

Я разулся и хотел было по привычке пройти в свою комнату и сослаться на занятость, так как думал, что мамка опять начнет причитать о моем образе жизни, но что-то меня насторожило. Ее голос был каким-то тихим и уставшим. В нем чувствовались отчаяние и безысходность. Не было похоже на то, что она, как всегда, собирается читать мне мораль, и я почувствовал что-то неладное. Она сидела на кухне, подпе-

рев голову рукой, с опущенным взглядом.

– У меня обнаружен рак груди третьей стадии, – тихо произнесла она, и из ее глаз брызнули слезы.

У меня по спине пробежали мурашки и задрожали губы. Чтобы не показывать своего страха, который парализовал, и не поднимать панику, я подошел к маме, поцеловал ее и крепко обнял. Она уткнулась лицом мне в плечо и заплакала. В тот момент я не знал, что ей сказать, да и вряд ли в такой момент слова были бы уместны. В ту минуту ей просто нужна была моя поддержка, и чтобы я был рядом. Спустя какое-то время я нашел в себе силы, еще раз поцеловал ее и как можно увереннее произнес:

– Мы справимся. Главное – не отчаиваться.

– Я люблю тебя, – сказала мама и поцеловала меня.

– И я тебя.

Какое-то время мы молча сидели на кухне, потом я предложил маме выпить чая, и она рассказала о своем положении: шансы на выздоровление есть, но нужно делать операцию в столице, а для этого необходимы деньги, порядка ста двадцати тысяч, чтобы не ждать очереди, так как за это время болезнь может прогрессировать до терминальной стадии. Конечно, в нашей семье на тот момент не было таких денег, и где их брать, было не ясно, но, надо признаться, мама держалась мужественно, несмотря на поставленный ей диагноз. Я предложил несколько вариантов, где можно достать деньги: занять у друзей, взять кредит и продать часть квар-

тиры, которая перешла моей маме по наследству от ее мамы. Но в тот момент было видно, что ей сложно размышлять об этом, и она сказала, что подумает над этим попозже.

Где-то к середине ночи мы разошлись по комнатам. Я не хотел оставлять маму одну наедине с ее мыслями, но понимал, что ей необходимо отдохнуть после такого стресса. Сам же я зашел в свою комнату, рухнул на кровать, уткнулся лицом в подушку и зарыдал. В моей голове начали возникать мрачные картины. Смерть, похороны, скорбь, одиночество. На самом деле я не представлял свою жизнь без мамы. Это был единственный человек на всем белом свете, которого я по-настоящему любил, ну, или по крайней мере думал так. Ей я обязан всем, что у меня есть. Только после такой страшной новости я осознал, насколько дорог мне был этот человек, и испытал глубокое чувство вины и стыда за то, что в последнее время вел себя по отношению к маме как последняя мразь. Даже после того диалога, когда она в первый раз сказала, что у нее болит грудь, я ни разу не спросил о ее самочувствии, о здоровье. Ведь у меня даже в мыслях не возникало, что с ней может что-то случиться. Внезапно я понял, насколько стал грубым, циничным и жестоким по отношению к ней. А ведь когда-то был совершенно другим.

В моей голове стали всплывать красочные картинки из детства, когда я осенью приносил ей желтые и красные кленовые листья, которые только опали с деревьев, а ранней весной прибежал с пучком вербы. Потом в мае обрывал для нее

сирень у подъездов, где меня гоняли за это местные бабки, или бегал в ближайший лесочек за ландышами, аромат которых она так любила. Летом срывал с городских клумб для нее разные цветы: нарциссы, тюльпаны, пионы. За это ей не раз высказывали свое недовольство жители нашего городка, но она лишь разводила руками, когда выслушивала очередные претензии. И все эти проделки обязательно сопровождалась фразой: «Я тебя люблю, мама!»

Сейчас же, лежа лицом на мокрой от собственных слез подушке, я пытался вспомнить, когда же в последний раз произносил ей абсолютно простые, но в то же время очень важные слова. И ко мне пришло горькое осознание, что я не помню этого. Я вспоминал, что говорил маме, когда поздравлял с праздниками: днем рождения, Новым годом, Восьмым марта и другими. Я всегда желал целую кучу всего, что ей, как мне казалось, было необходимо на тот момент. Банального счастья, здоровья, благополучия, терпения, успеха... Но среди всей этой мишуры никогда не было тех трех заветных слов, которые, как я сейчас понял, она хотела бы услышать больше всего на свете от своего собственного сына. Наверное, это и было как раз тогда, в глубоком детстве, когда я еще не мог строить заумных и витиеватых речей, чтобы только скрыть свои чувства, а всего-навсего говорил о них. Теперь же как будто какая-то невидимая сила вязала мне рот, словно хурма, или разъедала его как кислый лимон, когда я пытался произнести эти слова. Я почему-то внушил себе, что

все эти телячьи нежности не для меня, что это удел женоподобных евнухов и жалких подкаблучников, любящих смотреть после работы ванильные латиноамериканские мыльные оперы со своими зазнобами, периодически отлучаясь по их просьбе на кухню за всякими вкусоностями.

Потом мои мысли переключились в сторону бога. Вообще я считал себя неверующим человеком, несмотря на то, что в детстве меня крестили в православном храме, и мне всегда были чужды все эти религиозные обряды и ритуалы. А если уж быть честным до конца, то я в принципе не испытывал терпимости к верующим людям. У меня возникало чувство отвращения и пренебрежения по отношению к ним, когда наблюдал все их ритуалы на улицах. Эти люди казались мне какими-то недалекими и глупыми. Я всегда считал, что религия была создана для того, чтобы в основном управлять массами людей и манипулировать ими с ее помощью. У меня было четкое убеждение, что если ты веришь в бога, то становишься более уязвимым, нежели, когда не веришь. Тебе могут интерпретировать разные события, которые происходят в твоей жизни, с точки зрения воли бога и трактовать их как угодно. Вот и сейчас я лежал и мысленно обращался к всевышнему. Я высказывал ему свои претензии и возмущение:

«Если ты есть и слышишь меня, то скажи: почему так происходит? Ты же вроде как всех любишь, тогда зачем ты придумал такие наказания? Зачем заставляешь людей страдать и мучиться? Может быть, в глубине души ты все-таки садист и

деспот, и тебе нравится наблюдать за этими процессами? Ты словно в замочную скважину глядишь на то, как кто-то снова расстался со своей жалкой, никчемной жизнью, которая якобы так любезно была предоставлена тобой. Может, наша планета для тебя как муравейник или клетка с подопытными крысами, на которых ты ставишь всякие жестокие, чудовищные эксперименты? У одних отнимаешь последнее, а другим прибавляешь с избытком к тому, что уже есть, и наслаждаясь смотришь, как одни начинают сжирать других, не понимая даже, за что. За светлое будущее, псевдоценности, материальное благополучие, коммунизм, демократию, социализм, нацизм, ислам, христианство. Ты подкидываешь им все новые и новые идеи, лишь бы у них был повод для истребления друг друга, а сам тем временем с удовольствием наблюдаешь за этим представлением и при необходимости вносишь в его сюжет свои коррективы, чтобы он стал еще более интригующим и жестоким. Ты как плохой отец, который вместо воспитания и заботы о своих детях предпочел им очередное дешевое шоу по ТВ. И в этом шоу твои же дети и играют главную роль. Ты любишь не людей, ты любишь шоу! Ненавижу тебя!»

Теперь же я лежал и думал, где мне достать денег на операцию в максимально сжатые сроки. Я принял решение, что во что бы то ни стало раздобуду эти деньги.

***

– Здорово, братан! Как сам? – поприветствовал я Волка по телефону.

– Привет! Все хорошо. Вот потихоньку осваиваю новую для себя профессию, – шутливо ответил он.

– Кстати, я хотел поинтересоваться – твое предложение еще осталось в силе?

– В принципе, да.

– Это хорошо! Давай тогда встретимся и подробнее обсудим его? – предложил я.

– Не вопрос, конечно, давай!

– А ты где сейчас находишься?

– У Никитки во дворе, жду, пока он принесет мне гостинцев.

– И все-таки вы сплелись с Фитилем хвостами, – пошутил я, – ладно, давай, скоро буду.

Очевидно было, что Волк стал одним из первых клиентов, на которых Фитиль начал оттачивать свое мастерство «наркобарыжничества». Конечно, в глубине души меня задевало то, что они по сути познакомились друг с другом благодаря мне, а теперь даже не подтягивают в свои движения. Разумеется, они не обязаны были этого делать, но моя обида заключалась в том, что они могли хотя бы сказать об этом, а не пытаться скрыть. Поначалу я хотел сказать Волку про Фитиля, чтобы, так сказать, вбить клин в их идеальные отношения, но потом понял, что раз он сам захотел ощутить на себе всю прелесть таких взаимоотношений, то мешать ему не стоит. К

тому же меня сейчас интересовал абсолютно другой вопрос, а именно возможность поднять бабки при помощи оформления фирм на неосведомленных в этой области людей.

Мы встретились с Волком во дворе у Фитиля. Никитос к тому времени якобы уже вернулся с «мутки», и, судя по интенсивно пережевываемым жвачкам, было ясно, что они уже употребили «скорости». Выкурив сигарету, Фитиль сразу же куда-то поспешил, сказав, что у него какая-то важная встреча. По всей видимости, ему было необходимо встретиться с очередным потенциальным клиентом, как он их называл, или попросту он испугался, что я расскажу Волку правду о том, что Никитка никуда не ходил за кайфом, а тупо убивал время, да и еще потом употребил вместе с Волком за его же счет. Конечно, я бы предпочел, чтобы наша беседа с Волком проходила в трезвом состоянии, но я не мог тянуть время и ждать, пока он придет в себя от амфетамина.

Я вкратце объяснил Димону свое положение и пояснил, почему мне стали срочно необходимы деньги, после чего он выразил мне свое сочувствие по поводу болезни матери, и мы перешли к делу. В общем, тогда мы решили, что как только я нахожу подходящего клиента, то созваниваюсь с ним, и мы договариваемся о дате и времени регистрации фирмы. Единственным препятствием оказалось то, что ему в любом случае надо было обсудить этот момент со своими партнерами, так как это было их основным правилом – что все должно решаться с согласия всех участников данного мероприя-

тия. Поэтому он предупредил, что, возможно, мне придется встретиться с некоторыми его новыми приятелями и пройти негласное собеседование, чтобы они были уверены во мне. Он сказал, что как только поговорит с ними, то свяжется со мной и назначит время встречи. После нашего разговора, когда все нюансы были улажены, я поинтересовался:

– Слушай, а у тебя не осталось ничего из тех гостинцев, которые тебе Фитиль принес?

– Не, Колек, мы с ним на двоих все сделали, – ответил он.

***

– Ну что ты, долго еще? – спросил я по телефону у Фитиля.

– Нет, братан! Максимум через полчаса буду.

– А то тут тебя какой-то тип все спрашивает. Да и дискотеку пора начинать уже, скоро микс кончится, народ подтягивается!

– Поставь еще один! Все, не еби мне голову, скоро буду! – раздраженно ответил Никитос и повесил трубку.

Естественно, я догадывался, зачем этот тип так усердно дожидается Фитиля. Перед началом дискотеки ему не терпелось «разогнаться», чтобы как следует оторваться, а Никита, по всей видимости, его динамил и не брал трубку, вот он и решил попросить меня, чтобы я набрал его и уточнил, когда он будет. Когда он наконец-то явился, то с ходу получил массу претензий от администратора по поводу того, что

народ жалуется ему на отсутствие нормальной музыки. Мол, давно уже надо было начинать дискотеку, а играет какая-то фоновая херня. Потом к Никитосу прилип этот тип и чуть ли не на весь клуб начал спрашивать, принес он ему кайф или нет. В общем, ко мне он уже поднялся весь на нервах и сразу, открыв банку с коктейлем, начать пить залпом.

– Че так долго? Мне уже всю кровь свернули! – начал обвинять я его.

– Бля, ну хоть ты не начинай, – устало произнес Фитиль.

– Просто с меня же тоже руководство спрашивает, да еще и недовольные клиенты подходят, плюс еще этот неадекват, так что пойми меня правильно.

– Ну сказал бы, что не знаешь, где я и все.

– А я и так не знал, где ты!

– Ой, да ладно тебе гнать, будто не знаешь, почему я постоянно опаздываю в последнее время, хорош прикидываться! Я тебе уже предлагал не раз подтянуть к себе, чтобы бабок поднять, но ты не хочешь, – с досадой сказал он.

– Ну а как все это будет выглядеть, если я соглашусь?

– Вот это уже другой разговор! В общем, я беру у барыги товар и распределяю его между нами. Наша цель – отбить указанную сумму за две недели, все, что получится сверху, будет наше, распределяем бабки поровну вне зависимости от того, кто сколько продал.

– А как ты находишь клиентов и понимаешь, что это не мусора?

– Обычно я работаю с теми, кто уже неоднократно обращался и вызывает у меня доверие, а если есть сомнения, то делаю закладки и говорю, где. А так вообще с мусорами проблем быть не должно, я же говорил тебе.

– Просто было такое, что ко мне обращались пару-тройку раз за помощью, но я говорил, что не знаю ходов и поэтому ничем помочь не могу, – признался я.

– Ну вот у тебя уже тоже есть потенциальные клиенты, значит, поэтому можешь смело начинать работать через них. Тем более если мы будем работать вместе, то сможем страховать друг друга здесь в клубе, чтобы вызывать меньше подозрений и прикрывать, если кто-то будет задерживаться.

– Ладно, я согласен попробовать.

– Вот и отлично! Тогда надо отпраздновать это дело! – с энтузиазмом произнес Фитиль, после чего достал из папки диск и расчертил на нем две жирные дороги порошка.

***

Очередное утро воскресенья. Они начали становиться самыми скверными периодами в моей жизни за, пожалуй, последние полгода. Отпраздновали наше сотрудничество с Фитилем, и наступила пора расплаты за него. Отходняки с каждым разом становились все невыносимее и невыносимее. Помимо отходбв от «спидов» еще бонусом прилипало алкогольное похмелье, отчего желание вскрыться приобретало навязчивую форму. Под моими окнами еще, как назло,

находилась детская площадка, где маленькие спиногрызы с утра пораньше начинали верещать своими противными тоненькими голосами, играя в песочницах и раскачиваясь на скрипучих качелях.

«Закройте свои пасти, маленькие ублюдки!» – так и хотелось крикнуть им из окна, чтобы этот рев обрушился на них, словно гром среди ясного неба, и их мамыши, сидя на лавочках, выпучили бы от изумления глаза и начали бы давиться семечками от такого неслыханного по своей наглости явления.

«Да! Да! Вы не ослышались, заткните им их ебаные рты!» – повторил бы я им, чтобы они окончательно впали в ступор, а потом, спустя некоторое время, слетелись бы в кучу, словно горгульи, и начали вопить о моем невежестве и хамстве.

Казалось, что уже ничего не может быть хуже, чем голосящие дети под моим окном, которые не дают уснуть в это душное летнее утро, как зазвонил телефон, и на том конце провода послышался голос Волка:

– Здравствуйте, Николай Анатольевич, – официально поздоровался он и продолжил, – хочу уведомить вас, что сегодня после обеда вам назначено собеседование по поводу вакансии «агент по поиску лохозавров».

– Бля, ты серьезно сейчас?

– Серьезнее некуда! Так что давай начинай там потихоньку собираться. Что там у вас в шоу-бизнесе принято? Уклад-

ка, завивка, макияж, маникюр, я ничего не упустил? – начал стебаться он.

– Больше всего мне бы сейчас подошло харакири, – попытался я отшутиться, – а что, в другой день никак нельзя? Сегодня же выходной.

– Слушай, я уже договорился, так что хорош ныть, как принцесса, и подтягивайся к четырем дня в центральный парк!

– Ладно, в четыре в парке! – согласился я и повесил трубку.

Вот это была реально хуевая новость. Меньше всего в таком состоянии я мог бы произвести впечатление. Но деваться было некуда, надо встречаться.

Добравшись до парка, я встретил в нем Волка, который был как раз с тем самым Егором, который и пристроил его заниматься всеми этими махинациями.

– Здорова, Колян! – поприветствовал меня Егор. – Сколько лет, сколько зим.

– Привет! Это точно, сто лет не виделись!

– Че, как сам? Димон сказал, что ты в клубе работаешь ди-джеем.

– Не ди-джеем, а световиком. Слежу за светом во время дискотеки, – пояснил я.

На самом деле мне вообще не хотелось сейчас общаться с этим Егором «за жили-были», но ничего поделать я не мог, и приходилось вживаться в роль старого друга.

– Что-то ты неважно выглядишь, – вмешался Волк.

– Я вообще-то тебе это еще по телефону сказал.

– По ходу работа в клубе реально отнимает много сил и энергии, – сказал Егор и подмигнул мне, – что, выходá от быстрых?

– Да нет, просто похмелье ебет.

– Ну ясно, че. Ладно, поехали тогда сейчас заскочим в одно место, а потом к парням на встречу. Я только в магазин забегу за сигаретами, – протараторил Егор и пошел в магазин.

– Бля, а без него нельзя было обойтись? – начал предъявлять я Волку, как только Егор отошел.

– Нет. Во-первых, он на колесах, а во-вторых, ему тоже надо к пацанам по делам, вот мы и договорились вместе поехать.

– В натуре Прицеп – он и в Африке прицеп, – с сарказмом произнес я.

– Ну вообще-то в данном случае прицепами по сути являемся мы, так что не гони.

Тут из магазина вышел Прицеп с пачкой сигарет и бутылкой минералки:

– Ну что, погнали? Времени в обрез, нас уже ждут.

– Едем, – уверенно ответил Димон.

На протяжении всей дороги я практически всегда молчал, изредка только давая односложные ответы на вопросы. Прицеп с Волком начали ностальгировать по школе, что меня

стало раздражать еще больше, потому что надо было подыгрывать им, чтобы поддерживать разговор.

Что-что, а если говорить о Прицепе, то, как ни странно, он абсолютно не походил на сына криминального авторитета. И, как мне кажется, вся эта блатная романтика привлекала его меньше всего. Казалось, что все, чем ему хочется заниматься, – так это курить траву, загорая где-нибудь под ярким солнцем на карибских пляжах.

Он был высокого роста, худощавого телосложения. Темные волосы, аккуратно уложенные набок, выдавали в нем определенную долю нарциссизма. Светлые шорты и яркая, наполовину расстегнутая гавайская рубашка говорили о наличии определенного вкуса у ее владельца. Острый нос и острый подбородок будто свидетельствовали о принадлежности Прицепа к дворянскому роду, хотя его поведение говорило об обратном. Обычно Егор вел себя как последний разьебай. Его как будто не интересовали папкины заслуги, и он всеми силами пытался растронжировать все, что было добыто его отцом с огромным трудом. На первый взгляд отъявленный похуист, он все же мог доставить немалые проблемы, пользуясь серьезными связями, которые достались ему от отца.

– Так, ждите здесь, я сейчас вернусь, – сказал Егор, после чего ловко выпрыгнул из машины, которую он небрежно припарковал посреди какого-то двора.

– Что за замут, ты не в курсе? – поинтересовался я у Вол-

ка.

– Нет. Он мне ничего не говорил. Сказал, что надо заехать по делам, а я не стал выяснять.

Спустя где-то пятнадцать минут он вернулся и также ловко, как вылезал, залез в машину.

Ориентировочно через десять минут после того как мы покинули пределы города Прицеп тормознул у обочины и сказал:

– Короче, пацаны, мне сейчас надо поправиться, и то, что вы увидите, должно остаться между нами. В противном случае могут возникнуть определенные проблемы как у меня, так и у вас, – серьезно проговорил Егор и достал из трусов плотный шарик, сделанный из кусочка полиэтиленового пакета, замotanного скотчем.

Затем он залез в бардачок и вытащил оттуда маленький стеклянный флакончик с каплями для носа, который на сленге именуется «фуриком». Зубами он легко снял резиновую крышечку в алюминиевой оболочке, после чего выплюнул ее в окно и вылил туда же содержимое фурика. Потом оттуда же из бардачка достал упаковку инсулиновых шприцев и ампулу с водой для инъекций. Распечатав шарик, в котором оказался коричневый порошок, Прицеп засыпал приблизительно четверть из него в пустую емкость из-под капель, потом выбрал полный шприц воды и залил ее в фурик. Завершился весь этот ритуал нагреванием содержимого на зажигалке.

Все это время мы с Димоном молча смотрели на все эти приготовления Прицепа, пока Волк не осмелился заговорить:

– Это что ты варишь, братан?

– Белый, – невозмутимо ответил Егор, продолжая при этом кипятить содержимое фурика.

– Героин, что ли? – с недоумением спросил я.

– Он самый.

Честно говоря, с тех пор как я начал употреблять разного рода вещества, мои представления о наркоманах постоянно расширяли свои границы. Когда я начал курить травку, наркоманами считал тех, кто употребляет порошки, когда употребил первый раз порошок, наркоманами для меня стали те, кто колется, а когда первый раз укололся амфетамином, то подумал, что не так уж это и страшно, а наркоманы – те, кто употребляет героин. От него же наступают ломки, в отличие от «скоростей». Образ наркомана для меня был довольно однозначный. Это гниющие, мало похожие на людей существа с «дорогами» на руках, грязные, вонючие и беззубые зомби, стреляющие мелочь возле аптек и продающие по дешевке мобильные телефоны и бытовую технику на очередной дознях.

Тут же слева от меня на водительском сиденье сидел Егор, от которого пахло хорошим парфюмом, в стильной, дорогой одежде, на солидной иномарке. И, конечно же, этот образ не вязался со стереотипами, которые сидели у меня в голове.

– И давно ты бузуешься этим говном? – поинтересовался у него Димон.

– Ну, так, бывает, пару раз в месяц, может, когда меня просят пацаны забрать им товар, – ответил Егор, выбирая раствор из фурика в шприц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.